

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Небоскребы магов

Гай Юлий Орловский
Небоскребы магов
Серия «Юджин – повелитель
времени», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11820933

*Юджин – повелитель времени. Книга 6. Небоскребы магов / Гай Юлий
Орловский: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83392-4*

Аннотация

Глерд Юджин, известный в мире меча и магии как Улучшатель, не желает довольствоваться ролью улучшателя прялок, он намерен перестроить целое королевство. Для начала... И совершенно не важно, сколько в нем колдунов и магов. А еще глерд Юджин планирует усилить свою роль, ведь неограниченная власть – это неограниченные возможности.

...И хотя пистолет – веский аргумент в споре с разбойниками на лесной дороге, для королей пора искать более весомые доводы!

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	75
Глава 8	85
Глава 9	99
Глава 10	112
Глава 11	121
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Гай Юлий Орловский

Небоскребы магов

© Орловский Г. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть первая

Глава 1

Королевские гвардейцы глазом не повели, когда я вышел из башни; это для меня прошла неделя, а для них – пару минут поднимался на самый верх башни, а потом, схватив там мешок всякого барахла, тут же спустился, даже не посидел там.

Я захватил на этот раз с собой даже планшет, он хоть и заполнен всякой ерундой, что нигде не пригодится, но там общая энциклопедия и несколько специализированных, а также встроенный принтер. Заодно пополнил аптечку, добавил несколько мелочей, в том числе компас, знаю, что им пользовались извозчики, только еще не знаю как...

Выйдя из башни, я собрался топать во дворец, там у меня апартаменты, но с грохотом копыт подскочил на красивом вороном жеребце Фицрой, как всегда вызывающе нарядный, только на этот раз шляпа с высокой тульей и загнутыми краями, да еще перья ярко-красные – то ли вызов на ссору, то ли призыв обратить внимание, какой он красавец.

Красиво осадил возле меня коня, без всякой нужды подняв на дыбы, чтобы гневно заржал и помесил воздух крепкими копытами с блестящими подковами.

Я сказал сварливо:

– Чего на коне распрыгался? Здесь приличные люди ходят! А ты как в лесу. Дикарь какой-то. Хоть и с перьями.

Он ухмыльнулся.

– Привилегиями надо пользоваться, а то забудут. А ты чего с мешком? Украл что?

– У тебя чему не научишься, – сказал я горько. – Знаешь, у меня комнатка в этой башне, и даже во дворце королевы... но что-то не очень доверяю ей, как и она мне...

– Странные у вас взаимоотношения, – буркнул он. – Думаешь, сопрет?.. Кто этих женщин знает... Чем у вас кончится? Догадываюсь... Ладно-ладно, не сверкай глазками, понял. Похранить пока что твое барахлишко у себя? Да еще и бесплатно?

– Да, – сказал я. – Спасибо, Фицрой. Настоящий друг! Бесплатный.

Он бодро заулыбался.

– Надеюсь, это не надолго.

– Свинья, – укорил я.

Он сказал с подчеркнутой обидой:

– Я только надеюсь, скоро снова куда-нибудь унесет обоих. Или хотя бы меня, такого загадочного.

– Нет уж, – заверил я. – Остаемся здесь и пускаем корни. Вглубь, вширь и в стороны.

– Ага, – сказал он саркастически, – ну вот так я тебе и поверил! Ладно, у меня никто не сопрет.

Он нахально улыбался, дескать, стоит мне отвернуться, как все вытащит и пропъет, но уже знаю, что с его принципами такое для него равносильно потере чести, а мужчина без чести уже не человек.

Со стороны главного здания в нашу сторону вприпрыжку бежит Терминус, придерживая ладонью прыгающий на боку меч в расписных деревянных ножнах.

– Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!

Я сунул Фицрою в руки мешок, сам сделал шаг вперед, закрывая добычу. Королева вроде бы не отдавала прямого приказа ничего не выносить из лаборатории Рундельштотта, оттуда по ее приказу вынесли все ценное, но может заинтересоваться, что такое все еще нахожу достаточно ценное, ради чего стоит всякий раз подниматься на самый верх.

– Снова, – спросил я, – королева?

Он остановился, лицо приняло надменное и неприятное выражение.

– Глерд, – сказал он с резкостью, – о ее величестве нужно отзываться почтительнее!.. Ее величество королева Орландия изволит велеть вам явиться на заседание Тайного Совета.

– Ого, – сказал я, – еще не присутствовал. Правда, его только переназначили... Или давно? Ладно, приду. Когда?

– Сейчас, – отрубил он. – В крайнем случае подождете в коридоре.

– А если что-то услышу? – спросил я страшным шепотом. – Коридоры – страшная вещь! Болтун – находка для врага.

Он дернул щекой, но предпочел не ответить, молча довел меня до главного здания, оттуда по лестницам до королевских апартаментов. Гвардейцы по двое дежурят у входа на каждый этаж и дополнительно еще у двери королевы, на Терминуса посмотрели без интереса, он свой, а я сказал ему легко:

– Можете идти, Терминус. Понадобитесь – свистну.

Он поморщился, но свою работу выполнил, повернулся и пошел обратно, а я медленно приблизился к двери, игнорируя строгие взгляды слуг, осторожно потянул на себя, до того как слуга успел помешать, одним взглядом окинул помещение.

Это не личный кабинет королевы, здесь принимают наиболее доверенных. Сейчас в нем в удобных креслах расположились члены Тайного Совета. Во главе стола, естественно, Теренц Брандштеттер; даже сидя выглядит таким огромным, будто стоит, весь как вырезан из серого камня, с резкими чертами лица, угловато-мощный.

Вообще-то во главе стола пустое кресло королевы, но Брандштеттер смотрится, словно он здесь главный, а все остальные – его служащие, особенно Мяффнер, – хоть и канцлер, но слишком уж мягок, услужлив и общается со всеми несколько заискивающе.

Даже Иршир, тоже высокий и крепкий, смотрится рядом с Брандштеттером как младший братишка, что вообще-то соответствует их статусу: после неудавшегося переворота Брандштеттер теперь главнокомандующий, а Иршир – глава всей городской стражи.

Джуэл, глава Дипломатического Стола, как и глерд Кливард, что заведует всей хозяйственной деятельностью королевства, держатся так, как и положено вельможам, в руках которых бразды, в их присутствии всегда самоуверенный Финнеган с Эллианом и Баффи тише воды ниже травы.

На меня оглянулись, как на чудо в перьях, а оно откуда здесь взялось, это несмотря на то, что я уже доказал пользу королевству, но единичные случаи не в счет, засчитывается только долгая и усердная служба, подкреплённая родовитостью и длинной цепью знатных предков.

– Королева придет позже? – спросил я. – Ладно, тогда и я, хотя ну совсем не королева...

Прикрыв дверь, к облегчению тихо негодующего слуги, я прошелся по коридору, не нравятся мне эти интриги, как вообще всякие не нравятся. Все собрались, а ты постой в коридоре! Вряд ли это идея Терминуса, верного помощника Картера, который ко мне относится по-дружески, это происки тех, кто не желает допускать меня в их круг элпээров, то есть лиц, принимающих решения.

Чувствуя, что обнахалел уже не малость, а по-крупному, все-таки я во дворце королевы, все же пошел по коридору

прочь, сейчас даже к зубному врачу не стоят в очереди.

Из дальней комнаты вышла фрейлина, я сразу узнал Кареллу Задумчивую, а ее лицо озарилось радостной и немножко хищной улыбкой типа того, что на ловца и зверь бежит.

– Глерд, – сказала она воркующим голосом, – что привело вас...

Я проблеял сконфуженно:

– Приказ королевы. Надо о чем-то посоветоваться...

– Как мило, – проговорила она и оглядела меня так оценивающе, словно раздела взглядом, подумала и снова одела, – вы становитесь...

Она взглянула вдоль коридора, быстро оглянулась и, потянув дверную ручку на себя, впихнула меня в свою комнату.

– Не хочу, – объяснила она, – чтобы нас видели... так близко друг от друга. Вы давно меня заинтересовали, глерд...

Она в самом деле ко мне настолько вплотную, что чувствую ее тело, но я же дурак и простофиля из медвежьего края, поспешно отодвинулся, чтобы не стеснять высокородную глердессу.

– Госпожа Карелла, – проблеял я и сконфуженно шаркнул ножкой, – я так стесняюсь, так стесняюсь... Я же знаю, что я ничем не интересен, как вон знатные и знатнейшие глерды...

Она пренебрежительно отмахнулась.

– Они всего лишь глерды, а вы, Юджин, мужчина! И чем-

то волнуете меня так странно, что все мое женское естество пришло в какое-то странное состояние...

Я сказал с простодушным изумлением:

– Госпожа Карелла, вы так по-столичному изъясняетесь, что я ничего не понял. Я же медведистый, у нас в лесу как-то все иначе...

Она сделала ко мне крохотный шажок и спросила игривым голосом:

– А как у вас?

– У нас просто, – ответил я и шмыгнул носом, – как сгреб, так и... в общем, без ритуалов. Мы же простые...

Она звонко расхохоталась, запрокидывая голову, чтобы я лучше рассмотрел ее зовущий рот и крупные сиськи.

– Забавно, забавно... Юджин, вы же глерд теперь! Вам нужно учиться придворному этикету. В том числе и ритуалу ухаживания за женщинами.

– Не могу, – признался я. – Туповат что-то. Это все так сложно для человека из медвежачьего леса!

Она призадумалась, сказала с улыбкой:

– Ну, если у вас не получится с ритуалами, то что ж... мужчинам нужно идти навстречу. Если в вашем медвежьем лесу кто кого сгреб, то можно и по вашему местному ритуалу, надо уважать обычаи.

Она снова в моем личном пространстве с ее мощными феромонами, у меня голова начала пугающе быстро пустеть, а сердце стучать чаще. Взгляд ее говорил, что можно и сей-

час, раз уж я не уверен, что смогу соблюсти столичные ритуальные пляски; я постарался сделать морду еще глупее, сказал поспешно:

– Нет-нет, не хочу казаться дикарем! Я уже осваиваю столичность. Уже знаю, некультурно хватать сразу за жо...у, надо сперва познакомиться, а уже потом за жо...у!

Я постарался смотреть гордо, дескать, вот уже знаю одно из правил, так что совсем скоро запомню их все, и она сказала с натянутой улыбкой:

– Ну да, конечно, но не надорвитесь! Я же говорю, если не получается, то мы, женщины, должны входить в ваше положение настоящих мужчин, которым не до ритуалов...

Дверь приоткрылась, заглянула одна из фрейлин, сказала страшным шепотом:

– Королева прошла к себе!

Я поспешно отступил на шаг.

– Простите, бегу. Ее величество сказали, что без меня совещание не начнут. Еще раз простите...

Когда выбегал в коридор, чувствовал на себе взгляд Кареллы. Если королева без меня не решается начать совещание, то надо мною заняться плотнее и чтобы уже не вырвался.

Слуга у двери кабинета королевы сделал навстречу мне страшные глаза и прошептал так, что это было похоже на шипение большой злой змеи:

– Ее величество уже изволили прибыть!

– Одобряю, – ответил я.

Он увидел, что я нарочито замедляю шаг, и с неохотой распахнул передо мной дверь. Я перешагнул порог, довольный микроскопической победой над лакеем, сообразил, какова ее весомость, и озлился на себя и мир – что-то мельчаю.

Королева, опустив голову, что-то быстро пишет на большом листе, тот норовит свернуться в трубку, а Мяффнер придерживает края. На меня в кабинете демонстративно не обратили внимания, только Брандштеттер окинул презрительно-ироническим взглядом.

– Добро пожаловать, глерд! Вы опоздали, но... будьте как дома!

– Быть повсюду дома, – ответил я – могут только короли, девки и воры. Уж не знаю, к какой категории вы меня относите, но... сами вы себя кем считаете? Королем?.. Вроде еще не король, хотя про ваши хотелки поговаривают... Тогда остаются...

Он нахмурился.

– Глерд, это дерзко...

– А приглашать вот так, – возразил я, – когда здесь ее величество – это как? Слышал как-то в своем королевстве, что королева – это женщина, которая правит королевством при наличии короля и которой правят, если король отсутствует. Интересный взгляд, не правда ли?

Иршир и Джуэл с неудовольствием переглянулись: я в их огород бросил не камешек, а валун.

– Это в вашем королевстве, – отрезал Брандштеттер, – а у нас ее величество королева правит, однако прислушивается к мнению ее верных слуг и помощников.

– Слуги не могут быть помощниками, – обронил я, – но ладно, это опустим. Я тоже, как и вы, посчитал было, что королева у нас дура набитая, раз уж такая красивая, но быстро убедился, что у ее величества ума, как у стада слонов... это такие большие звери, что все помнят и ничего не забывают.

Королева, не отрывая взгляда от бумаги, прервала резко:

– Глерд Юджин, сядьте! Разговор о серьезных вещах, а не о том, кто из вас кого переспорит. Глерд Мяффнер?

Мяффнер выпрямился и, отвесив обязательный поклон королеве, заговорил быстрым и почти заискивающим голосом:

– Как вы уже знаете, над королевством нависла угроза войны. Король Антриас, испробовав все средства, решил все-таки вторгнуться в наши земли. Потому сейчас перед всеми нами стоит вопрос: как реагировать?

Глерд Иршир произнес многозначительно:

– Я слышал, герцог Ригильт тоже пришлет свою армию в помощь королю Антриасу? В Опалоссе она почти не уступает по численности уламрийской...

Королева бросила в мою сторону быстрый взгляд.

– Глерд Юджин?

– Не пошлет, – сказал я.

– Почему? – потребовал Иршир. – У вас какие-то особые сведения?

Я покачал головой.

– Присутствующий здесь глерд Финнеган наверняка сообщил о тяжелом ранении герцога Ригильта.

– Он сообщил о ранении, – уточнил Иршир. – Но насколько оно тяжелое?.. Может быть, герцог вообще не ранен? Вдруг это какая-то королевская уловка?

Королева остро взглянула в мою сторону, я пробормотал:

– Все может быть... Но я склонен верить его величеству королю Антриасу, который известен прямоотой и честностью. Если он сказал в морг, то... Я имею в виду, что если герцог ранен, то ранен серьезно. Сам герцог, думаю, будучи воинственным и отважным человеком, не стал бы обращать внимание, если бы ему просто прищемили пальчик. Если сообщили о ране, то это действительно она самая. Нелегкая, если можно так сказать о ране.

Иршир раздраженно дернул щекой.

– Это мало что меняет. Даже если герцог прикован к постели, он может послать армию в помощь королю Антриасу. У него наверняка есть надежные соратники.

– Соратники есть, – согласился я, – но вот насчет надежности здесь каждый усомнится. Человек, который всеми неправдами продолжает удерживать власть в королевстве, не может рассчитывать на верных соратников. Это такие же мародеры, что предадут его в первую же минуту слабости.

Он это понимает... и вряд ли кому-то доверит всю армию.
У кого армия, у того власть.

Глава 2

Иршир невольно покосился на молчаливого Брандштеттера, но тот бровью не повел, словно даже не расслышал намек на его слишком уж большие полномочия.

Королева звучно хлопнула ладонью по столу.

– Итак, вопрос насчет участия второй армии отпадает. Будем исходить из того, что королю Антриасу придется действовать без надежного союзника.

Иршир ответил с поклоном:

– Воля ваша, однако это огромный риск, ваше величество.

Королева слегка возвысила голос:

– Если вторгнутся обе армии, королевство будет захвачено наверняка. Потому этот вопрос рассматривать нет смысла. Но если король Антриас вынужденно останется один... можем ли противостоять ему?

Брандштеттер произнес среди общего молчания:

– У нас слишком малочисленная армия. Ваше величество предпочитали вкладывать полученные от налогов средства в развитие ремесел, новые рудники, производство, строительство школ и приютов для бедных, потому армия наша хороша только для подавления мятежей, даже таких масштабных, как армия самозванного принца Роммельса. Я понимаю, что это была ошибка Дейнджерфилда...

Королева не стала хвататься за спасательный круг, пока-

чала головой.

– Нет, это было мое решение. Я хотела, чтобы мой народ был богат и счастлив.

Брандштеттер развел руками и сел. На королеву, как я заметил, поглядывают с неодобрением, у каждого на лице написано крупными буквами: «Я ж говорил!»

Я поднялся и сказал быстро, пока никто не перебил:

– Экономика богатой страны позволяет быстро перестроиться на военные... колеса! Как мне известно, в арсеналах королевства издавна накоплены большие запасы оружия, которые правительство щедро продавало в другие страны. Кроме того, местные оружейники и бронники день и ночь куют мечи, топоры, молоты, изготавливают доспехи, потому что торговля оружием всегда приносила наибольший доход. В казне достаточно золота, чтобы нанять две такие армии, с которой вторгнется Антриас. Осталось только как можно быстрее обучить эти толпы пользоваться мечами, топорами и особенно пиками. Думаю, такая современная техника, как топор или молот, несмотря на свою сложность, не требует многомесячного обучения.

Они слушали со смесью недоверия и повышенного внимания. У некоторых в глазах зажегся было огонек надежды, но осторожность высокопоставленных лиц взяла верх, один за другим мрачнели, опускали головы.

Поднялся глерд Джуэл и, совершенно не обращая на меня внимания, словно я нечто вроде пролетевшей и сгинув-

шей вдали мухи, проговорил несколько барственно, никогда не забывает, что его род самый древний в королевстве Нижние Долины:

– Ваше величество, я понимаю ваши чувства, но у королей есть только интересы... потому еще раз хочу вернуться к вопросу вашего замужества. Королевство в огромной опасности. И я не вижу другого пути, кроме как вступить в брак... с могущественным королем.

Глерд Иршир пробормотал:

– Благородный глерд Джуэл хочет вступить в брак с королем Антриасом?

Джуэл зашипел, голос глерда Иршира в тишине прозвучал слишком громко, могла услышать даже королева, но она не повела и бровью, а явно сочувствующий Джуэлу глерд Кливард грозно сверкнул очами и сердито надулся.

Я на него поглядывал искоса, стараясь, чтобы он не замечал моего интереса. Кливард возглавляет Стол Хозяйствования, но, похоже, здесь хозяйствованием называется не совсем то, что называю я. Во всяком случае, королева перед вручением Кливарду этой должности напомнила, что только он предупреждал ее о попытках Дейнджерфилда усилиться, набрать добавочный вес не только в армии, но и при дворе, что может привести к захвату власти, потому, дескать, с такой стойкостью и дальновидностью постоянно отстаивавший интересы королевства, даже вызывая ее неудовольствие, он по праву получает этот пост.

Судя по такой длинной преамбуле, Стол Хозяйствования является чем-то очень важным. Вообще-то экономика и есть самая важная дисциплина, но почему-то мне кажется, глерд Кливард занимается не только экономикой.

Он тоже пару раз мазнул по мне взглядом, слишком бесстрастным и равнодушным, чтобы я вот так взял и поверил в его безразличие, а дальше смотрел только на королеву, в то время как я с простодушием дикаря рассматривал остальных членов Тайного Совета.

Королева все-таки рассуждает здраво: в небольшом королевстве нет смысла раздувать штат и плодить департаменты, потому управленцев не просто мало, но большинство еще и совмещают несколько должностей.

Глерд Иршир, начальник городской стражи, поймал взгляд королевы, поднялся уже с поклоном.

– Ваше величество?

– Говорите, – велела она.

Он заговорил расчетливым голосом:

– Хотел бы обратить внимание на участвовавшую поимку опасных людей... непонятного происхождения. Да, уже здесь в Санпринге, по эту сторону городской стены. Вооружены кинжалами и стараются подобраться поближе к вашему дворцу, ваше величество.

Кливард буркнул:

– Что значит «непонятного»?

– Не удалось установить не только личности, – ответил

Иршир ровно, – но даже откуда прибыли. Есть догадки, что половина вовсе не из Нижних Долин. У одного отобрали арбалет, трое были с усиленными луками.

Брандштеттер нервно побарабанил кончиками пальцев по столешнице.

– Еще их недостает!

Джуэл спросил настороженно:

– А кто еще?

– Затихший было, – ответил Брандштеттер нехотя, – разбойник по прозвищу «принц Роммельс» начал, по слухам, переходить в наступление.

– Начал, – уточнил Джуэл, – или не начал? А что такое «переходить»?

– На отдельных участках, – пояснил Брандштеттер резко, – активизировались его люди. Некоторые деревни уже выплачивают ему дань, что недопустимо, от налогов в королевскую казну их никто не освобождал.

Джуэл смолчал, а помалкивающий Мяффнер сказал несчастным голосом:

– Двойной гнет крестьянам никак не выдержать. Начнутся бунты.

– Против Роммельса?

Мяффнер вздохнул.

– Всегда во всем винят власть. Так что скоро ждите отказы платить налоги. И будут правы. Если власть не может защитить, за что люди должны платить?.. Ваше величество,

не пора ли дать полномочия глерду Брандштеттеру на полное очищение от этой заразы?

Она не ответила, вперила острый взгляд в глерда Иршира:

– Вы уверены, что пойманные с оружием в руках вокруг дворца... не наши подданные?

– Часть наших, – ответил он с неохотой. – Ваше величество, золотые монеты легко делают наших ненашими и наоборот!

Мяффнер покряхтел, сказал совсем упавшим голосом:

– Мне стыдно это говорить, а глерд Кливард, сообщивший мне это, вообще не может выговорить вслух... но ряд высших глердов не просто желают вашего замужества с королем Антриасом, а даже, осмелюсь сказать, называют его будущим королем Нижних Долин!..

– Возмутительно, – громыхнул мощным голосом Брандштеттер, но остальные почему-то промолчали.

– Вот так вслух и называют? – уточнил Джуэл. – Наверное, в своем тесном кругу?

Мяффнер кивком переадресовал вопрос Кливарду. Тот ответил нехотя, едва размыкая губы:

– Но называют же.

– Странно, – протянул Джуэл, – что вы слышали своими ушами... Гм... наводит на размышления. Надо подсказать глерду Ирширу, чтобы вас хорошо обыскивали перед входом во дворец.

Кливард огрызнулся:

– Меня и так обыскивают! Вы на что намекаете?

– Напекаю? – удивился Джуэл. – Я сказал, чтобы обыскивали хорошо. Очень хорошо и старательно!.. Кстати, а что скажет наш самый молодой член Совета?

Все взгляды уперлись в меня. Я смолчал, Джуэл не главный, пусть не распоряжается, перевел взгляд на Мяффнера, тот понял, кивнул.

– Глерд Юджин?

Я ответил предельно почтительно:

– С таким составом Совета ее величество может спать спокойно. Я имею в виду, при таком составе. Уверен, вы примете решение, что в два счета ликвидирует все угрозы.

Кливар поморщился.

– Глерд, вы слишком старчески осторожны для своего возраста.

– Что вы, – возразил я, – я просто преисполнен величайшего почтения перед мудростью собравшихся глердов. Все такие важные, величественные, умные!.. Вот я и замер, как мышь под полом. Еще никто из вас не высказал такую важную и новую мысль, что лошади кушают овес и сено?.. Странно.

Глерд Джуэл поднялся, красивый, импозантный и с благороднейшей внешностью, настоящий дипломат, и, упираясь обеими руками в столешницу, произнес с безукоризненной холодной вежливостью:

– Если ее величество примет предложение о замужестве

со стороны короля Антриаса... или короля Кельмии доблестного Бриана Гульбера, то... как ни скорбно это признать, династия Орнидов прервется. На троне воцарится новая династия.

Мяффнер спросил враждебно, что для него настолько непривычно, даже королева вместе со всеми обратила на него взгляд, полный изумления:

– К чему вы ведете, глерд?

– Хочу напомнить, – договорил Джуэл так же холодно, – что династия Орнидов в любом случае прервется, выйдет ее величество замуж или нет. Просто в первом случае на трон сядет король соседнего государства и все удержит в железной длани, а во втором... начнется кровавая распря, борьба за трон между знатными родами.

Все промолчали, наконец Кливард пробормотал с огромной неохотой:

– Глерд Джуэл прав. Мы сами понимаем, что прав, только признавать не хотим. Но это же ясно.

Мяффнер сказал с непривычной для него резкостью:

– Что вам ясно?

Кливард сказал, обращаясь мимо него к королеве:

– Ваше величество, как это ни горько признавать, но все же целостность королевства важнее.

Она покачала головой.

– Целостность королевства?

Он слегка смутился.

– Можно будет заключить отдельный договор насчет... как бы ваш жених гарантирует, что интересы вашего величества будут соблюдены...

Она горько улыбнулась.

– Мои интересы? А у меня есть свои интересы?

Кливард промолчал, вопрос щекотливый, но веско и уверенно сказал Джуэл:

– Интересы вашего королевства, ваше величество.

Королева не ответила, все тоже молчали, момент очень неловкий, а я сказал учтиво, но достаточно громко, чтобы услышал даже дремлющий в уголке престарелый Финнеган:

– Мне как-то неловко слышать, что это королевство принадлежит ее величеству Орландии, потому, дескать, это ее проблемы. Мне все-таки казалось, что это наше королевство. Тем более ваше, глерд Джуэл, если ваш род, как вы утверждаете, самый древний в Нижних Долинах.

Я снова принял самый смиреннейший вид почтительного слушателя. На меня косились с неудовольствием, Мяффнер поднялся и сказал суетливо:

– Давайте успокоимся, а то здесь уже будто зажгли все камины. Мы все заинтересованы, чтобы сохранить королевство в таком виде, в каком оно... пребывает.

– Иные времена, – напомнил Кливард, – иные песни.

Глерд Брандштеттер сказал строго:

– Это не значит, что мы должны петь чужие песни.

Королева поднялась, и все разом встали так поспешно,

словно не величественные глерды, а солдаты первого года службы.

– О моем решении сообщу позже, – произнесла она. – Всех благодарю за честное и откровенное обсуждение. Все свободны.

Я вышел вместе со всеми, уходили по два-три человека, что-то тихонько обсуждая, я уловил кивок Мяффнера, подошел, он долго молчал, пока все разошлись, так же молча спустились на пару этажей.

Мяффнер часто вздыхал, то и дело вытирая платочком потный лоб, наконец заговорил, стараясь почему-то не встречаться со мной взглядом:

– И что скажете вы?

– Дельное обсуждение, – ответил я осторожненько. – Сразу видно государственных мужей. А я что... вернусь в свой замок, я же за него отвечаю?.. Надо бы, наверное, пообщаться с принцем Роммельсом, он где-то неподалеку. Почти в моих землях.

Он насторожился.

– Зачем?

– А если, – сказал я, – предложить ему вариант официальной оппозиции?.. А его армию поставить под... гм... копье и отправить на фронт?.. А еще – в каких отношениях ее величество с королем Дронтариин? Там кто, кажется... Астрингер?

– Он, – подтвердил Мяффнер несчастливым голосом. – К сожалению, отношения не очень... Он когда-то сватался к ее величеству.

– И... как?

– Получил твердый и недвусмысленный отказ.

– Обрадовался? – спросил я.

Он грустно усмехнулся.

– Должен бы, но, похоже, обиделся. Странно, короли обижаться не имеют права. Это не по-государственному.

– Если король обижается, – сказал я, – значит, у него в королевстве все хорошо. Может себе позволить. Но это значит, он еще не знает, что его королевству уготована судьба быть захваченным Уламрией и Опалоссой. Пожалуй, нужно срочно сообщить ему такую радостную и взбадривающую новость. Уверен, он возжелает так же срочно восстановить дружбу и сердечное согласие с ее величеством.

– В каком смысле сердечное согласие? – спросил он с подозрением.

– Дипломатическом.

– А почему, – спросил он настороженно, – ему уготована такая судьба?

– А вы еще не знаете, – протянул я, – что Антриас король весьма воинственный? И будет расширять пределы, пока его не остановят?

Он посмотрел на меня очень внимательно.

– Мне кажется, – проговорил он мягко, – вы знаете боль-

ше, чем говорите.

– У меня такой умный вид? – спросил я счастливо. – И загадочный? С ума сошли!.. Спасибо.

Он спросил в упор.

– Что вы хотите сказать?

– Я? – переспросил я. – Да вроде бы... ладно, глерд-канцлер. Простите, что шепотом, вам тоже советую не орать и не возмущаться. Нужно срочно переговорить с королевой... нет-нет, не в ее кабинете. И не в главном зале.

Он вперил в меня тяжелый взгляд.

– Что? А где?

– Например, – сказал я, – в той комнате, что ее величество изволили определить мне в пользование, когда я в городе. Умоляю, глерд, вы не какой-то Финнеган, понимаете, что не зря такое говорю!

Он понизил голос до шепота:

– Не понимаю, однако... если позволите какие-то глупости, я вас сам убью на месте.

Голос его звучал очень серьезно. Я вздохнул:

– Похоже, вы собираетесь сопровождать королеву?

Он прошипел:

– А вы как думаете?

– Хорошо-хорошо, – ответил я. – Вы вообще-то единственный, кому я доверяю. Я сейчас отправляюсь в те апартаменты, а вы переговорите с ее величеством. Она хоть и красивая, но не дура, поймет, что я поймал что-то крупное.

Глава 3

Когда я сделал круг по зданию и вернулся, слуги возле двери королевы воззрились на меня в высокомерном недоумении людей, близких к ее величеству, к которым приблизился какой-то сиволапый.

Я сказал резко:

– Парни, я дурно воспитан и у меня нет благородных предков. Так что могу и в рожу дать так, что навеки окривеет. Королева хде?

Один ответил нехотя:

– Только что изволили отбыть в покои, выделенные вам.

Возле двери моих покоев теперь подпирают спинами стену двое стражей королевы и двое слуг. Передо мной поспешно и без поклонов распахнули двери, слуги не кланяются, это обязанность придворных и служащих высокого ранга.

Я перешагнул порог, королева сидит в моем кресле за моим столом, ибо королева всегда дома, даже если это дом ее подданного. Рядом Мяффнер, весь из себя почтение, я поклонился и сказал с ходу как можно более смиренно:

– Счастлив, что вы откликнулись, ваше величество!.. Хоть режьте меня, ваше величество, но все равно скажу вам прямо в глаза правду-матку прямо и смело: вы, ваше величество, величайшая королева!.. Сразу сообразили, что у меня нечто важное, и ни минуты не колебались... или все-таки поколе-

бались чуток? Ладно, это неважно. У меня в самом деле...

Она прервала таким ледяным голосом, словно засунула мне за шиворот целый айсберг:

– Что вы хотите сказать?

– Вы уже поняли, – проговорил я, понизив голос, – что вас подслушивают и я об этом узнал.

Мяффнер спросил быстро:

– Кто?

– Я над этим работаю, – ответил я, – но, надеюсь, вы не станете его арестовывать?

Она бросила быстрый взгляд на Мяффнера.

– Лорд-канцлера?

– Я тоже на него подумал, – признался я, – слишком уж он... Да, но это на мой взгляд знатока. Потом подумал, что если слишком, то не он. Кто, еще не знаю, над этим, как уже сказал, работаю старательно и усердно.

Они оба посмотрели на меня с одинаковым недоумением, Мяффнер даже не возмутился, молодец.

– Почему не станем? – спросил он. – Арестовывать?

– Потому что вы мудрые, – пояснил я. – Хоть и не сразу. Но другие и потом, уже на лестнице, не спохватываются, а вот вы... Да, кое-кто работает на иностранное правительство. Может быть, незаметный слуга, а может... и кто-то из вашего Тайного-Претайного Совета.

Она смолчала, Мяффнер охнул:

– Глерд?

– Кто-то работает на короля другого королевства, – пояснил я. – Осмелюсь предположить, что на Антриаса, так как он наиболее заинтересован знать, что у вас и как. Конечно, есть наверняка и другие шпионы, кто-то работает на Дронтарию или Кельмию, но именно Антриас ввиду подготовки вторжения должен был активизировать работу разведки.

Она выпрямилась за столом еще больше, глаза сверкнули гневом.

– Кто это? Схватить, допросить!.. Если это правда, он будет казнен...

– Ваше величество, – сказал я шепотом, – не орите, я вас умоляю. Вы же королева, а не!.. Умоляю мыслить по-королевски, что значит – нагло и охватывающе. От того, что схватите, пользы мало. Другого пришлют, если он уже не при дворе... А нового еще надо выявлять!

Она ожгла меня свирепым взглядом.

– Глерд?

– Кто у нас глава разведки? – спросил я. Наткнувшись на ее полный подозрения взгляд, пояснил: – У вас, разумеется, ваше величество!.. Иршир? Нет, он всего лишь начальник городской стражи... Джуэл заведует дипломатическим корпусом...

– Глерд, – сказала она, чуть повысив голос, – глерд Джуэл! Я сказал с досадой:

– Ах да, глерд Джуэл, глерд Иршир... Ваше величество,

все-таки прежде дело, а формальности потом. Как я понял, тайные службы в руках глерда Мяффнера и... ваших?

Она чуть наклонила голову, но я смотрел с ожиданием, она нехотя проговорила:

– Нет необходимости плодить должности.

– Да, – согласился я, – королевство крохотное, это было бы слишком. Тогда все проще, ваше величество!

Она поморщилась, у нее гигантское королевство, но спросила сразу по сути дела:

– И что предлагаете, глерд?

– Скармливать дезу, – ответил я.

Она смотрела холодно, ожидая продолжения, явно не понимая; какой же здесь чистый и честный народ, я здесь как волк в овчарне, даже неловко всех обижать и грабить, но удержаться трудно.

– Ваше величество, – сказал я, – мы должны сами снабжать противника теми сведениями, которые нам выгоднее. Запудрить ему мозги! Обмануть, облапошить, надуть, озомбировать.

Она не отрывала от меня взгляда, но я пару раз уловил промелькнувшую в нем растерянность.

– Как, – произнесла она, – это... получится?

– Есть два варианта, – ответил я. – Можно схватить врага и под пытками велеть передавать ему то, что считаем нужным мы. Второй вариант, мы назовем его женским, – допускаем намеренные утечки информации, чтобы шпион радост-

но подхватывал и передавал противнику.

Она поморщилась.

– Второй слишком сложный.

– А первый чреват боком, – ответил я. – Хотя и не знаю, что это, но чреват. Боком. Как-то вот так.

– Глерд, не отвлекайтесь!

– Простите, ваше величество, – сказал я с раскаянием, – это вечная беда сложных и гениальных натур – отвлекаться на то, что может улучшить мир. Дело в том, что у шпионов существуют особые знаки на этот случай. К примеру, он напишет письмо королю Антриасу под вашу диктовку, а король получит и увидит, что в семнадцатой букве хвостик повернут не в ту сторону. Понимаете? Этим тайно сказано, что он пишет под угрозой смерти и верить этому посланию нельзя.

Она посмотрела на меня в изумлении.

– Глерд... вы что, сами были таким шпионом?

– Ваше величество, – ответил я скромно, – обижаете... почему не предположить, что я руководил подобными службами? Или даже теми, кто ими руководит? Но сейчас обсуждаем, как повернуть ситуацию здесь и сейчас, вы не против?

Она некоторое время молчала, на лицо набежала тень, через минуту сказала тем же твердым голосом:

– Хорошо, глерд. Разработайте... как это будет.

– Уже, – ответил я добро. Она взглянула с непониманием, я пояснил: – Это же лехко!.. Мы пройдем в ваш кабинет, я вам буду рассказывать, что проделано, а вы хмурьтесь,

но одобряйте.

Она спросила с настороженностью во всем облике:

– Почему именно в моем кабинете?

– Там в стене дырка, – сообщил я. – Через нее вас слушают, но, думаю, могут и подсматривать, хотя это рискованно.

– Что-о?

– Стена с гобеленом, – пояснил я, – где здоровенный такой мужик насел с какой-то непонятной мне целью на такую же здоровенную свинью, помните?

Она ответила сухо:

– Это не мужик, а благороднейший король Джоннер Фом, мой прапрадед! И насел не на свинью, а голыми руками схватился с Эварским Вепрем, ужасом тех земель!

– Это неважно, – ответил я небрежно, но увидел ее темнеющее от гнева лицо, сказал поспешно: – Хотя то был великий подвиг, я приношу королю свои извинения!.. А художника стоило бы выдрать за картину, которую можно толковать столь вольно... Запретить свободу творчества!

Она прошипела:

– Никто не толковал, только вы!..

– Ваше величество, – сказал я умоляюще, – давайте вернемся к важным делам королевства?.. А то, что во всем вашем королевстве только я один такой честный и замечательный, пока оставим. Я скромный до наглости.

Она медленно перевела дыхание.

– Я вас ненавижу, глерд. Если бы вы не были так необхо-

димы, я бы вас...

– Придушили бы собственными руками?

Она посмотрела несколько озадаченно.

– Что за дикие мысли? Я королева!.. Вас бы казнили на заднем дворе, а я любовалась бы с веранды и сыпала лепестки роз. Значит, вам только поддакивать?

– Без охоты, – подсказал я еще раз. – Я буду говорить неприятные, но необходимые вещи. Государственные все такие. Не хочется, а надо.

– А о чем именно?

Я развел руками.

– Ваше величество, если будете знать заранее, то можете не сыграть правильно. Хотя известно, что все женщины прирожденные актрисы, но вы так уже привыкли, что это перед вами актрисничают, а вы только повелеваете...

Она прервала:

– Хорошо, мы пока переговорим с глерд-канцлером, а вас вызову к себе через полчаса.

– Объявите по двору, – подсказал я, – что ищете меня. По важному делу. Кстати, в кабинете не щупайте гобелен и вообще не смотрите в его сторону. Представьте себе, что вы – женщина, и постарайтесь обмануть обманывателя... Нет-нет, не вставляйте, я еще не все изложил!.. Иначе чего бы договаривался о тайной встрече? Кое-что узнал в Уламрии такого, что не хотел говорить в присутствии членов Тайного Совета.

Мяффнер тяжело вздохнул.

– И тоже что-то неприятное?

– Это как повернуть, – ответил я. – Король Антриас не сразу вторгнется в Нижние Долины. На самом деле его цель вовсе не ваше королевство, ваше величество. Он действительно великий король и смотрит в будущее. Ему нужен выход к морю!..

Они переглянулись, я даже заподозрил, что сами нечто подобное обсуждали в тесном кругу, но сейчас ни королева, ни ее глерд-канцлер не подали виду.

Мяффнер спросил с сомнением:

– Откуда такие сведения?

Я посмотрел с укором.

– Глерд-канцлер, зачем вам, такому великому государственному деятелю, не побоюсь сказать это недвузначное слово, знать такие мелочи?.. Узнал и узнал.

Королева сказала резко, но негромким голосом:

– Но все равно вторгнется, какая разница?

– Есть разница, – сообщил я. – Он будет просить свободного прохода через ваше королевство. Я даже верю, что строго-настрого прикажет своим людям идти только по выделенным вами дорогам, чтоб никакого бесчинства. Ему важно сохранить армию, чтобы ударить по Дронтарии всей мощью!

Королева проговорила негромко:

– Это очень серьезное заявление. Но... насколько оно...

– Подкреплено? – спросил я. – Ваше величество, этого

не знаю, честно. Могу добавить только, что получил я его... на самом высоком уровне. На самом.

Мяффнер спросил с недоверием:

– Что...

– Выше не бывает, – заверил я.

Мяффнер покачал головой, с лица сомнение все еще не уходит, но в глазах уже стальной блеск, которого у глерд-канцлера раньше не замечал.

– Как вы смогли... Да-да, вы правы, это не мое собачье дело. Ваше величество, я бы рискнул этому шалопаю поверить.

Она проговорила задумчиво:

– Это достаточно логично. Мы уже догадывались о стремлении короля Антриаса выйти к южному морю...

Я с сочувствием посмотрел на несчастного Мяффнера: не любит он такие ситуации, ему бы рулить счастливым королевством, у которого нет проблем, но, понимая жизнь лучше других, преодолевает себя и находит такие разумные решения, какие не нашли бы орлы, смело готовые решать любые проблемы.

– Ваше величество, – сказал я, – если вы решились пока что не казнить вашего глерд-канцлера, то скажу при нем, если позволите.

– Позволяю, – обронила она сухо. – И, глерд, серьезнее.

– Ваше величество, – сказал я, – а почему не рассмотреть вариант более тесного взаимодействия с королем Дрон-тарии?

Ее лицо напряглось.

– Глерд...

Голос мог покрыть льдом и превратить в сосульки жарко пылающие поленья в камине, я заговорил быстро, пока она не прервала:

– Я говорю не о браке, ваше величество, ну что вы на нем так зациклены? Это наводит на мысли... Король Антриас намерен захватить Дронтарию врасплох, как вы уже поверили, но если предупредите его величество Астрингера о планах короля Антриаса, то Астрингер...

– Король, – сказала она холодно; я посмотрел с недоумением, она зло повысила голос: – Его величество король Астрингер!

Я кивнул.

– Да-да, ваше величество, король Астрингер. Спасибо, что не велите всякий раз перечислять все его титулы, что вроде бы правильно, но неправильно... В общем, король Астрингер поспешит мобилизовать все силы, чтобы встретить агрессора... но не только. Он восхочет укрепить с вами союз.

Она поморщилась.

– Это после того, как я беспрепятственно пропущу армию короля Антриаса?..

Мяффнер посмотрел на меня с укором.

– Ваше величество, – сказал я мягко, – вон взгляните на своего глерд-канцлера. По его непонимающему лицу вид-

но, что он уже все понял. Вы пропустите армию Антриаса к границам Дронтарии, там начнутся сражения. Та южная область вашего королевства пустынна и пользуется дурной славой, верно? Дикое племя гуцаров, населяющее те земли, не признает вашу власть... Вам что, их жалко?

Она отрезала:

– Это мои подданные! Даже если об этом и не знают.

– И не признают, – добавил я. – Хорошо-хорошо, я только восхищаюсь вами, ваше величество!.. Хорошо, что я не король, а то бы уже всех поубивал. Начиная с ваших советников.

Мяффнер сказал, мучительно морщась:

– Ваше величество, мы должны выбирать между большими жертвами с разрушениями и... малыми.

Я сказал вежливо:

– Не смягчайте. Между малыми жертвами и полным захватом Нижних Долин. Да и жертвы это какие-то... Когда у нас что-то портится на кухне, это жертвы, понимаю. Или платье порвалось. А когда где-то кого-то убивают... какие это жертвы?.. Так, тема для разговора за сытным ужином. И хотя вам глерд Юджин как-то не очень нравится, но я вас понимаю, мне этот гад тоже в печенках, однако на этот раз идею выдвинул здравую, хоть и недостаточно изящную. Армия Антриаса начнет сражения с диким племенем гуцаров, тем временем на том направлении у границы сконцентрируется армия дронтарцев...

Королева посмотрела хмуро и с неприязнью.

– Какой-то вы, глерд, абсолютно бессердечный. Жертвы будут не где-то, а в южной части Нижних Долин. Это наше королевство! И пусть племя гуцаров пока не платит налоги и не признает мою власть, но со временем мы втянем их в общую жизнь им же на пользу. Потому, как королева, я должна о них заботиться уже сейчас.

– А как насчет убитых в сражениях нижнедолинцев? – спросил я. – Когда свою королевскую армию уже верных и преданных вам людей посылаете в бой, подразумевается, что часть погибнет. Так лучше уж пусть гуцары...

Ее лицо одеревенело, я с сочувствием прикидывал, что ответит, однако она обратила царственный взор к Мяффнеру.

– Проследите, чтобы с утра подготовили посольство к королю Астрингеру.

Он поклонился.

– Ваше величество?

– Лучших коней, – ответила она, – запас продовольствия, чтобы не останавливаться в дороге сверх необходимости. Послание к тому времени составлю лично.

Глава 4

Я покинул комнату первым, огляделся, коридор пуст, не считая верных слуг, это личное пространство королевы, куда в лучшем случае могут входить только фрейлины, так что королеву с Мяффнером посторонние тоже увидят вряд ли.

Вообще-то я обещал всем вокруг вернуться в свой замок, когда-то вообще-то и намеревался, но сейчас вот представил себе это, отвращение поднялось от подошв сапог и заполнило до самой макушки.

Там все и без меня налажено, идет своим чередом. Разве что упущено самое главное: таскать служанок в постель, а деревенских девок на сеновал?.. Но в демократическом обществе это не право, а обязанность, а такое сразу все портит, никто не любит обязанности и увиливает от них, даже если в состоянии исполнять, и это все еще доставляет некоторое удовольствие.

А вот с посольством в Дронтарию может получиться что-то интересное...

Спускаясь по лестнице, увидел в анфиладе залов справа приземистого человека в плаще с надвинутым на голову капюшоном, идет быстро, но при ходьбе опирается о расцвеченный плиткой пол массивным посохом из слоновой кости.

Такой посох я видел только у одного здесь, у мага Строуда,

такой же белоснежный, весь в золоте и блестящих камешках, разве что Строуд всегда в широкополой шляпе и с высокой тульей, но сейчас он явно прячет лицо...

Он в какой-то момент оглянулся, ощутив мой взгляд, маги все намного чувствительнее обычных людишек, мне показалось, что испугался, нагнул голову еще ниже и поспешно юркнул за угол.

Я нахмурился, но это вообще-то не мое дело, мало ли кто во дворце пользуется его услугами, маг Строуд как раз ценен, как все говорят, в хозяйских делах, а Рундельштотт был совершенно бесполезен и даже убыточен...

На ступеньках услышал звонкие голоса и веселые смешки, целая стайка фрейлин спешит, подобрав платья, между служебными комнатами, глазки озорно блестят, на щечках румянец, перехихикиваются и щебечут, щебечут...

Меня заметили, пришлось отвесить учтивый поклон, но они не пробежали мимо, а разом остановились, зачирикали:

– Ох, глерд!..

– Глерд Юджин!

– Вы теперь здесь живете, глерд?

– А на ужин придете?

– К нам на ужин, а то еще куда забредете...

Я сделал вид, что жутко засмутился, проблеял жалко:

– Ох, даже не знаю, что и сказать... у меня все из головы разбежалось... Как скажете, глердессы... Кто из вас готова

одарить меня предельной благосклонностью?

Они расхохотались звонко и весело, голоса зазвучали задорно и дразняще:

– А это от вас зависит, глерд!

– А вы что, смущаетесь?

– А предельной – это как?

Кто-то сказал с подчеркнутым ужасом:

– Я слышала, Карелла проявляет интерес... Берегитесь, подруги!

– Ой, – сказала она, – если даже Карелла, то надо хватать... У нее нюх.

В конце коридора показалось двое грузных и величественных глердов, фрейлины сразу посерьезнели и начали отодвигаться от меня, одна шепнула на ухо жарко:

– Но все равно от нас не скроетесь, герой...

Они упорхнули, глерды прошли мимо, традиционно не удостоив меня вниманием, а я так и эдак поворачивал новую идею, что шпионить за королевой могут как слуги и стражники, так и фрейлины. Им даже проще, всегда в пределах доступности к дворцовым тайнам.

А если знать, какая с каким глердом общается достаточно тесно, можно понять, к каким тайнам у кого доступ.

В здание поспешно входят с залитого оранжевым огнем двора и останавливаются в холле, тревожно переговариваясь. Я переступил порог, прищурился от яркого света.

На небе страшно и прекрасно полыхает огромное оранже-

вое солнце, а по небу быстро бежит, словно скользит, зеленое. И хотя вредит только в одиночестве, но есть поверье, что на особо чувствительных действует и при оранжевом, потому особо пугливые по возможности избегают зеленого вообще.

В полупустом дворе гвардейцы королевы бдят, пост ни один не покинул, да и вообще этот народ не суеверный, Фицроя не видно. Как уже знаю, искать можно до бесконечности.

При его непредсказуемости может оказаться где угодно, любопытный, как Марко Поло, потому я прошелся наискось до башни Рундельштотта, поколебался, глядя на узкие окошки на огромной высоте.

Стражники смотрят не только с почтением, но и некой симпатией, чувствуют, к ним я ближе, чем к родовитым придворным.

– Рундельштотт, – спросил я, – там?.. Или вышел куда-нибудь?

Один ответил осторожно:

– Вроде бы не выходил... Если только не перекинулся незримником. Говорят, некоторые могут... Сейчас, правда, он вроде бы чем-то очень рассердил ее величество, от стыда не выходит из своей кельи. А к королеве вхож маг Строуд.

– Это я заметил, – обронил я. – Пожалуй, тогда загляну к Рундельштотту.

Они отступили, я отворил тяжелую дверь, эта винтовая

лестница всякий раз нагоняет тоску, но здесь люди других способов подниматься наверх не знают, если только не колдуны, и я обреченно побежал наверх, ступая через ступеньку.

Рундельштотт полулежит на ложе, дряхлый и с обвисшим лицом, в дряблой руке медная чаша. Я издали уловил сильный аромат хорошего вина.

– Учитель, – сказал я почтительно и с тревогой, – вы как? В смысле, здоровье ниче так?

Его веки припухли, как нижние, так и верхние, но я рассмотрел, что белки глаз в полопавшихся кровеносных сосудах, нехорошо, да и дышит тяжело, с хрипами.

– А ты как думаешь? – поинтересовался он недобрым голосом.

– Думаю, – ответил я осторожно, – просто великолепно. Вином ее величество снабжает вас отменным.

Он хмыкнул.

– Вином? Королева?.. Юноша, ты в самом деле забрался к нам откуда-то очень издалека. Королева обо мне забыла. А вино... Это чуть ли не единственное, что могу создавать из мелочей. Даже куска хлеба не могу... А вино да, не удержался, овладел этими знаниями в молодости.

Я сказал с сочувствием:

– Вы великий чародей, мастер. Что вино, хлеб, драгоценности и прочая ерунда? А то, что вы сумели пробить туннель в другой мир – великое открытие! Настоящий Улучша-

тель – это вы, мастер. А я что, по мелочи... Подковы, прялку... Но вот чего не пойму, магия в самом деле запрещена?.. Если так все строго, то почему только что встретил Строуда прямо в главном дворце королевы?

Он нахмурился, вопрос точно неприятен, ответил с усилием:

– Магия запрещена... вообще. В целом. Это значит, везде в королевстве, но королева, как и все короли, имеет право пользоваться магией, так как она как бы мать всему королевству и заботится обо всех. Ей можно. Кто пользуется магией, тот сталкивается с большими опасностями и, что еще хуже, соблазнами. Ее величество берет это на себя.

– Понятно, – согласился я. – Это как право доступа, уровень секретности. Чем человек выше по должности, тем ему больше можно. Он как бы проверенный. Но не страшно королям, что сильный маг может отобрать трон?

Он подумал, пожал плечами.

– Говорят, в старину такие случаи были.

– И как?

Он хмыкнул.

– Магам быстро наскучивало, снова кого-то сажали на престол.

– А сами?

– Чаще всего уходили, – сказал он и уточнил: – Вообще. Из королевства. Или в самом королевстве, но на вершины гор... Как тебе сказать, юноша... Я вот не хотел бы сесть

на трон. С одной стороны, вроде бы могу обеспечить себя всем, что мне нужно для магии... но должен буду заниматься и всей той унылой ерундой, которой занимается король! Мирить придворных, пресекать заговоры и мятежи, заключать союзы с другими королями, выгонять проворовавшихся министров и подыскивать честных...

– Отвратительно, – согласился я.

Он покачал головой.

– А ради чего?.. Потому короли сами призывают магов в свой дворец, но по королевству велят хватать и жечь на площадях. Контроль! Короли все хотят держать под контролем... Хотя, конечно, это правильно, но признавать не хочется. Среди магов дурных людей много, но беда в том, что даже хороший человек, заполучив магическую мощь, чаще всего становится дурным... или хотя бы совершает очень дурные поступки. Какие бы никогда не совершил, оставаясь простым человеком.

Мне показалось, что бросил на меня очень уж ясный взгляд, потому ответил смиренно:

– Власть портит человека, а магическая – еще как...

– Уже... знаешь?

– Ощутил, – ответил я. – Хочется просто убить, если нужно долго переубеждать. Когда можно убить спорщика... почему не убить?

Он буркнул:

– Вот-вот. Все мы выбираем пути, что проще. Даже если

они не совсем...

Он тяжело вздохнул, отпил из чаши, где снова появилось вино. Я поднялся, подошел к окошку. Сквозь эту прорезь в стене рассмотрел прогуливающийся нарядный народ, застывших под стенами зданий гвардейцев, а также увидел Фицроя – идет неспешно и с улыбкой, но то и дело поглядывает по сторонам цепко и прицельно.

– Прощаюсь, учитель, – сказал я. – Уверен, мы еще поработаем вместе. Королева запретила нам участвовать в работе над восстановлением Зеркала Древних, но есть варианты еще круче... Когда-то люди могли эти зеркала создавать мановением руки! Пусть одноразовые, но зато...

Он вздрогнул, глаза расширились.

– Но... откуда ты знаешь?

– Вспомните все, – сказал я, – что может пригодиться. Не все же я прочел в королевской библиотеке? А я исчезаю пока что, но еще увидимся!

Вниз я сбежал с такой скоростью, что когда выскочил в самом низу, меня повело в сторону, будто продолжаю бег по винтовой лестнице.

Фицрой увидел, закричал:

– Ты спать туда ходил, что ли?.. Тебя уже неделю разыскивает Руперт!

Я потер ладонью лоб.

– Знаешь, Фицрой... Что-то мне здесь не очень нравится.

– Мне тоже, – ответил он с живостью. – Плюнем на все

и махнем дальше?.. Можно через Уламрию и Опалоссу, там дальше непонятное королевство Гонтерра. Говорят, полностью закрыто для чужаков. Или двинуться через Кельмию, за ним Крешта, королевство колдунов и чудищ, как о нем говорят! Брежут, конечно, но наверняка что-то интересное, иначе бы так не говорили.

Со стороны дворца к нам бегом, теряя достоинство, ринулся Терминус, крикнул:

– Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!.. Вас разыскивает начальник охраны...

– Он уже нашел, – ответил я и помахал рукой появившемуся на ступеньках главного здания Картеру. – Что-то важное?

– Не знаю, – ответил Терминус, – как для вас, но для меня нет ничего важнее распоряжений моего начальника.

– Хорошо сказано, – одобрил я. – Переходите служить мне, Терминус!.. Ладно-ладно, я пошутил, уберите ладонь с рукояти меча, а то я вам ее нечаянно сломаю. И меч тоже.

Фицрой гоготнул, но остался на месте, а я пошел на встречу Картеру. Тот остановился, а когда я приблизился, сказал негромко:

– Пойдемте, глерд.

– Если в кабак... – начал я, но он прервал:

– Ее величество изволит пожелать дать вам свое королевское поручение.

– Какое счастье, – сказал я. – Всю жизнь мечтал слезть с дивана и носиться, высунув язык, с поручениями.

– Вам повезло, – ответил он без тени улыбки. – Я вот ношусь с поручениями, а мечтаю когда-нибудь залечь на диван.

Мы шли плечо в плечо, мирно беседуя. Но, как мне показалось, Картер изо всех сил старается создавать это впечатление для всех, кто встречается во дворе или видит нас.

Я ощутил на себе чей-то взгляд, в котором ни вражды, ни дружбы, а только внимательная оценка; вскинул голову – на балконе второго этажа, навалившись животом на перила балюстрады, стоит Карелла Задумчивая.

Поймав мой взгляд, улыбнулась радостно и зовуще. Я помахал ей рукой, но крикнуть ничего не успел, Картер настойчиво держит за локоть и утаскивает под карниз парадного входа.

В холле в нашу сторону все оглядываются и, остановившись, кланяются, что бы это значило, надо подумать, но не успел. Картер, все ускоряя шаг, втащил на нужный этаж и только перед дверью королевского кабинета выпустил мой локоть.

Королева повернулась в нашу сторону, я успел заметить, как ее встревоженное лицо стало непроницаемо спокойным. Нет, повернулась уже с непроницаемо спокойным выражением лица, но я по остаточному движению мышц восстановил, каким было несколько секунд назад, и в сердце шевельнулось нечто вроде сочувствия.

Мы поклонились, она произнесла холодно:

– Глерд Картер, благодарю вас. Глерд Юджин, подойдите. Картер вышел, я приблизился, поклонился.

– Ваше величество?.. Позвольте?

Она сказала недовольно:

– Что у вас еще?

– Новости, – сказал я бодро. – Вообще-то хорошие.

Королева ожгла меня злым взглядом.

– Что значит «вообще-то»?

Слова произносит четко и громко, не забыла, что мы сейчас выбалтываем сокровенные тайны обороны; я приосанился и начал докладывать с некоторой поспешностью:

– В целом, в целом хорошие. Ваши люди отыскиали еще троих химер, очень сильных! Настолько, что каждая справится с десятком крепких воинов. Но не это главное...

– А что?

– Ваше величество, – сказал я, – эти тоже могут становиться невидимыми почти на весь день!.. Не на день в смысле день, а днем. Только к ночи их сила слабеет, ночью лучше спрятаться.

Она спросила с недоверием:

– И что, нет простейших заклятий, чтобы их сделать видимыми?

– Нет, – ответил я с чувством превосходства. – Простейших нет. Есть, правда, пара достаточно сложных, но ими владеют только в гильдии магов Селентио, да и то не все. Так что

можно сказать, от наступающих войск короля Антриаса защиты не будет...

Она поморщилась, со вздохом отложила гусиное перо.

– Отвратительно... Как это постыдно для королевы прибегать к услугам таких существ!

Я развел руками.

– Ваше величество, все люди понимают, что вы прижаты к стене, потому вынуждены... Кроме того, их присутствие в войске будет держаться в строжайшей тайне!

Она тяжело вздохнула.

– Да-да, понимаю. Но как только все закончится, дайте им золота и уберите куда-нибудь подальше.

– Ваше величество, – сказал я, – они пришли к вам не ради золота. Чем-то король Антриас сильно досадил их племени, потому будут сражаться с яростью... Они обещают добратся и до самого короля.

Она вскрикнула:

– Ни в коем случае!

– Да-да, – согласился я торопливо, – королевские особы неприкосновенны. Только в самом крайнем случае, когда здесь будет гибнуть все... Ваше величество, я с вашего разрешения пойду приму их и где-нибудь устрою, чтобы они никому на глаза не попадались.

– Идите, глерд, – ответила она со вздохом. – Как же ненавижу все эти ваши войны!

Я поклонился и вышел. Картер все еще в коридоре стро-

гим голосом дает наставления гвардейцам, я шепнул тихо:

– Вызови королеву в ее столовую.

Он дернулся.

– Глерд, вы в своем уме?

– Скажите, – посоветовал я, – что я хочу с нею выпить перед обратной дорогой в свой замок.

Он вскипел:

– Глерд, эта наглость вам...

– Руперт, – прервал я, – просто передайте.

– Если рассердится, – пообещал он, – я сам повешу вас собственными руками.

Глава 5

Я ждал в столовой, когда дверь распахнулась, в коридоре королева, ее фрейлины и охрана, но она велела жестом закрыть за собой и пошла ко мне рассерженная и настороженная.

– Что случилось?

Я уже стоял в почтительной позе, это нетрудно, поклонился, женщинам как-то совсем легко кланяться, уж и не знаю почему, сразу же ответил со всей учтивостью:

– Думаю, шпион уже передает через кого-то сведения о могучих химерах в вашем войске. Но я просил уделить мне еще пару минут наедине и в таком месте, где не подслушают, по другому делу. С вашего разрешения, ваше величество, я заеду к принцу Роммельсу, где проведу порученные вами переговоры.

Она вскипела.

– Глерд! Что вы себе позволяете?

Я переспросил в недоумении:

– Ваше величество?

– Что вы задумали?.. Я уже не говорю, что вы назвали этого разбойника принцем!

– Ваше величество, – сказал я и придвинул ей кресло, – прошу вас. Здесь мягко и тепло, будто садитесь на большую жирную кошку. Я всего лишь твердо выполняю ва-

ши указания насчет укрепления обороноспособности нашего-вашего государства и упрочения его прочной прочности!.. А также готовности во всеоружии встретить различные угрозы со стороны сами знаете кого!

Она хоть и села, но и сидя выглядит такой же грозной королевой, произнесла очень тихо, но четко, что уже признак настоящего, а не показного гнева:

– Что... это... значит?

– У принца Роммельса, – сказал я и заметил, что она снова дернулась при слова «принц», – собрана пусть не армия, а шайки разбойников, но это большие шайки. Или пусть мелкие, но много... что вообще-то одно и то же для вашей цели.

Она спросила с придыханием, как сказала бы пантера перед прыжком на жертву, если бы заговорила:

– Для... какой?

– Вы даете свободный проход армии короля, – напомнил я, – как и все верные вам глерды, сами же запираются в крепостях, ждут, когда Антриас пройдет мимо. Однако принц Роммельс вам не подчиняется, что хорошо и просто замечательно.

– Глерд!

Она вскипела, я умоляюще выставил перед собой ладони.

– Ваше величество! Вы же величество, а не женщина! Те всегда перебивают, не давая договорить, и на основании недослышанного такое наворачивают...

Она с трудом сдержалась, выдохнула сквозь стиснутые зу-

бы:

– Говорите. Но покороче. Не прячьте смысл во многословии.

– Ваше величество, – продолжил я с укором, – я же красивую фанаберию развожу, потому что во дворце, а не среди пьяных солдат! Чтоб все красиво было... В общем, Роммельс вам не подчиняется, и это здорово... Погодите, умоляю, не вешайте меня, пока не договорил!.. Я имею в виду, что когда прикажете глердам освободить дороги и отважно запереться в крепостях, Роммельс нахально... он же нахальный?.. проигнорирует ваши приказы. И... нападет!

Она подумала, покачала головой.

– Его уничтожат за один день.

– Все равно сразу двух собак одним камнем, – сказал я. – И армия задержится хоть на день, и от разбойников избавитесь. Но когда Роммельс начнет нападать по дороге на армию уламрийцев, Антриас не станет обвинять вас в нарушении договора...

Она поморщилась.

– Сброд под рукой разбойника Роммельса не в состоянии сражаться с армией короля Антриаса.

Я громко и красиво изумился:

– Ваше величество! Кто сказал «сражаться»? Да плюньте тому в рожу!.. Вот так возьмите и плюньте, это дает такое самоудовлетворение, доктор Фрейд рекомендует... Шайки Роммельса будут перехватывать фуражиров Антриаса.

Как только те отойдут от армии хоть на полмили в ближайшие придорожные села за провиантом, так этих фуражиром и порубят!.. Двойная выгода: и людей у Антриаса будет меньше, и армия начнет голодать... Вам что, чужую армию жалко?

Она закрыла рот, уже распахнутый для крика, задумалась. Я терпеливо ждал, наконец она проговорила с некоторой неохотой:

– Это новый поворот...

– Да, – согласился я. – Для Нижних Долин.

Она стегнула по мне, как кнутом, взглядом, решила, что иронизирую над провинциальностью королевства на краю земли.

– Армия с голоду не вымрет, – напредила она зло. – Пересечь наше королевство она успеет.

– Вот и прекрасно, – сказал я. – Нечего ей тут и здесь! Пересечет усталая, измученная, голодная, постоянно недосыпающая, потому что роммельсцы будут по ночам устраивать... нет, имитировать нападения, и уламы вынуждены будут спать в доспехах и с мечами в руках. Ваше величество, какой это сон, когда постоянно ожидаешь, что вот-вот в лагерь ворвутся эти дикие и дурно пахнущие разбойники, не знающие правил благородной войны и не берущие в плен?

Она задумалась, положила на столешницу руки. Я молча смотрел, как она с силой стиснула кулаки.

– Все-таки Антриас, – проговорила она, – по дороге

в Дронтарию потеряет только отряды фуражиров.

– Возможно, – сказал я скромно, – еще и обоз... Не будем загадывать, ваше величество, но армия без обоза – это уже не армия, а такие же голодные толпы разбойников... В любом случае из королевства Нижние Долины в королевство Дронтария вторгнется голодная, усталая и донельзя измученная как бы армия.

– Где ее уже будет ждать, – договорила она, – укрепившись на заранее выбранных позициях, армия Дронтарии? Вы к этому клоните?

– Не забывайте, – напомнил я, – армия Уламрии понесет немалые потери, уничтожая дикое племя гуцаров. У короля Астрингера будет шанс в одиночку разбить Антриаса... не говоря уже о том, что армия Нижних Долин не пропустит уламов обратно.

– Это хорошо, – произнесла она, – глерд Юджин, и даже прекрасно... настолько, что я даже не верю в удачу... А где, кстати, вы усвоили такие знания в военной стратегии и тактике?

– Ваше величество, – напомнил я, – мы как бы молча договорились оставить мое прошлое большим секретом для всех и не упоминать как бы лично?

Она наклонила голову.

– Вы правы, глерд. Одно только вызывает сомнение...

– Ваше величество?

– Зачем это самому Роммельсу?

– А патриотизм? – спросил я. Увидев недоумение на ее лице, пояснил: – Личная выгода?.. Иностраных захватчиков никто не любит, а он, начав войну с армией всемогущего Антриаса, покажет себя преданным Нижним Долинам и обеспечит себе симпатии даже тех, кто готов его сжечь на медленном огне.

Она подумала, приподняла одну бровь.

– Да, это несомненно. Однако этого мало.

– Можно дать больше, – предложил я. – Нет, не обязательно титул глерда, он и сам его не примет, так как принц, надо же, но можно вообще-то постепенно перевести его справедливую борьбу за идеалы в плоскость оппозиционной партии... в русло, так сказать. А у вас будет справедливая демократическая монархия с человеческим лицом!

Она вскинула на меня вопрошающий взгляд.

– Что такое... ладно, об этом потом. Перед отъездом зайдите ко мне, передам письмо для короля Астрингера.

– Да, – подтвердил я, – очень мудро. Пусть пока поработает на благо королевства, а потом вы решите, дать пряник или не дать. И какого размера. Вообще, ваше величество, играть нужно по-женски хитро, это и есть подлинная дипломатия. Мы, мужчины, пока что плохие дипломаты, слишком честные и правильные. Со временем, конечно, женщины омаскулинятся, а мужчины офеминизятся, но сейчас есть то, что есть, что хорошо и потому неприемлемо.

– Глерд?

Я поднялся, поклонился.

– Начинаем!

Она чуть-чуть поморщилась, никто не смеет вот так самовольно подниматься и заканчивать разговор с королевой, но я чужеземец, местные правила этикета не знаю, такому простительно, и она с усилием наклонила голову.

– Да, глерд. Вы придумали почти хорошо.

Я ответил почтительно:

– Ваше величество, это же придумали вы! Я только уловил и ринулся со всех двенадцати ног исполнять.

Она чуть изогнула губы, то ли в улыбке, то ли в гримасе.

– Не льстите мне, глерд. Я признаю свои заслуги, но признаю и чужие.

Я вышел, осторожно прикрыв дверь, в коридоре целая толпа взволнованно шушукającychся фрейлин, тут же Мяффнер и Джоэл, еще какие-то крайне нужные, видимо, лица; Мяффнер ухватил меня за руку.

– Глерд, что хотела королева?

– Ну и вопросы у вас, – ответил я. – А я уж подумал, что вы хитрый царедворец.

Он отмахнулся.

– Некогда плести интриги, глерд!

– Я отправлюсь в свое имение, – сообщил я, – надо почувствовать себя хозяином, потешить свою плоть... имею в виду, чувство достоинства... Тьфу, потешить самолюбие, я же высокий глерд, богатый и толстый...

Оставив остальных в коридоре ждать королеву, он пошел со мной рядом, торопливо перебирая короткими ножками.

Я сжалился и замедлил шаг, а на лестнице он сообщил негромко:

– Через час зайдите за письмом. Ее величество к тому времени его обдумает и напишет.

– Прекрасно, – ответил я бодро. – Целый час времени! Куда его деть?

Он посмотрел косо.

– Вы говорите так, будто час в самом деле много. Люди годы жизни тратят впустую. Ладно, не теряйтесь.

У муравьев есть особая каста солдат, а в ней еще подкаста самых крупных воинов с гигантскими челюстями. Эти идут впереди, сеют страх, они недолговечны, погибают первыми, их замечают и склевывают птицы, но они нужны племени, так как принимают удар на себя и отвлекают внимание от более важных.

У людей такая функция была всегда у берсерков. Они рождались и жили не для себя, а только для племени. У берсерков не бывает семей, друзей, привязанностей, их основная цель в жизни – в минуту опасности принять удар на себя и сражаться, не отступая ни на шаг.

Здесь их функция вручена гвардейцам королевы. Наиболее преданные, они же самые крупные, могучие, одним видом внушающие оторопь, когда смотришь на такого гиганта

и понимаешь, что он раздавит тебя как муху...

Мне бы таких десятков, чтобы страховали от разных неожиданностей. Я человек с особенностями: мой удар страшен, но сам я слабее тли. В том смысле, что обычно меч и щит совершенствуются одновременно, а у меня меч круче некуда, а защита как у всех здесь. А чутье не всегда срабатывает – когда устал или чем-то отвлекся, то и не почувешь, когда что-то на спину прыгнет...

Гуртом можно завалить кого угодно, а гвардейцев королевы нужно разить только насмерть, они – последняя линия защиты королевы, потому не отступят, не сдадутся, будут принимать огонь на себя до последней капли крови, пока защищаемые ими будут убегать или прятаться...

Я побродил по главному зданию дворца, нахально проверяя, куда мне доступ открыт, куда не пускают, а куда войти разрешают, но на мордах такое выражение, что убили бы, дескать, с радостью...

Женщины сдержанно, но опасливо улыбаются, на их лицах страх и любопытство, я здесь прохожу по незримой графе чересчур быстро вознесенного к трону человека. Дружба с которым может быть крайне выгодной, но и крайне опасной...

Я вздрогнул, когда за спиной раздался такой негромкий голос, что я едва расслышал, это королевский секретарь приблизился, неслышный и неподвижный:

– Ее величество ждет вас в комнате с балконом.

– Принято, – ответил я. – Надеюсь, найду.

– Подскажут, – шепнул он и пропал так же неслышно, как и появился.

На всякий случай я пошел почти зигзагом, как бы прогуливаясь, рассматривая женщин, на лестнице тоже посматривал по сторонам, за мной могут теперь приглядывать, я хоть и темная лошадка, но уже заметная, типа брабанта или першерона.

Комнату с балконом вычислил, даже не отсчитывая шаги от лестницы, просто прикинул размеры ее апартаментов и двух кабинетов, а балконами в свое время полюбовался со двора.

Королевские гвардейцы на меня даже не посмотрели, а один из слуг как только увидел мою фигуру еще в конце коридора, сразу же вдвинулся в комнату, через пару секунд вышел и придержал дверь открытой.

– Глерд...

Комната мелковата, обставлена для отдыха, а на той стороне распахнута дверь на балкон, откуда льется солнечный свет и доносится конское ржание, людской говор.

Королева в тени за столом в комнате, просматривает бумаги, явно поданные на подпись, медленно подняла голову.

– А, это вы, глерд... Садитесь.

Я сказал вежливо:

– Да вот мимо шел, думаю, дай загляну, ваше величество. Спасибо.

Она смотрела хмуро, как я сел, спокойно и даже чуточку развалившись, словно и я король или что-то подобное.

– Я приняла ряд решений, – произнесла она ровным голосом.

– Конечно, серьезных, – подсказал я соответствующим тоном.

– Очень серьезных, – уточнила она, чуть повысив голос.

– Я весь внимание, ваше величество, – ответил я. – И весь, как вы видите, полное смирение. И польщен высоким доверием.

Уголки ее рта недовольно дернулись, а я постарался выглядеть как придворный, а не как, вперил в нее взгляд почти преданных глаз.

Она сказала сухо:

– Вы отправитесь в Буйлары.

– А это чё?..

– Столица королевства Дронтария, – пояснила она. – Ах да, ее недавно зачем-то переименовали в Шмитберг.

– На вечное поселение? – поинтересовался я. – Ах да, там южное море... Как Овидия, был у нас такой поэт, жаловался на лютые морозы в ссылке.

Она сдвинула брови, взгляд стал острее.

– С посланием к королю Астрингеру.

– Мудро, ваше величество, – сказал я льстиво. – Вы придумали хороший ход!

Она нахмурилась сильнее.

– Напоминаете, что придумали вы, глерд?

– Ни в коей мере, – запротестовал я. – Мало ли что мы предлагаем! Мудрость правителя в том, чтобы выбрать самый лучший вариант.

– И какой, – поинтересовалась она несколько зловеще, – я выбрала вариант?

Я нагло ухмыльнулся и сказал ей прямо в глаза:

– Хоть режьте меня, ваше величество за правду-матку, но я скажу ее вам прямо в глаза: вы, ваше величество, великая королева!.. Вы просто гениальная королева! И потому выбрали самое лучшее, как вы всегда делаете и хапаете первой... В смысле, опережаете стратегических соперников благодаря своей быстроумности, прозорливости и... ловкости ума и рук!

Глава 6

Она помолчала, придавливая меня тяжелым взглядом. Я продолжал нагло и смиренно улыбаться, готовый признать ее вообще величайшей королевой всех времен и народов.

Не успела она раскрыть рот, как я звонко хлопнул себя по лбу.

– Кстати, съездить к этому принцу Роммельсу стоит не только насчет совместной... ваше величество, это же правда!.. совместной борьбы с иноземными захватчиками наших свобод и привилегий, а также... как ее... ага, независимости!.

Ее лицо выразило отвращение.

– А насчет чего еще?

– Принц Роммельс, – ответил я, – очень активный, очень инициативный, хороший руководитель и хозяйственник. Такие королевству при острой нехватке кадров везде в цене. Мог бы возглавить умеренную оппозицию, пробивать нужные законы, добиваться больше прав для воров и грабителей... В парламенте были бы представлены все слои общества, начиная от знатнейших глердов до разбойников и пиратов.

Она буркнула:

– Что за пираты?

– Разбойники, – объяснил я, – но морские. Напада-

ют на корабли. Пираты, корсары, буканьеры, флибустьеры, менеджеры, каперы... Различаются между собой уставами и правилами, но для нас они все просто преступники.

Она посмотрела на меня с испугом и отвращением.

– Что за ужасы... Вы сами хотите поехать в разбойное гнездо Роммельса?

Я отшатнулся.

– Почему я?.. Пошлите кого не жалко. Я ценный кадр! И красивый. По утрам просто не могу отойти от зеркала. Я лучше отправлюсь к королю Дронтарию. Все-таки море...

Она продолжала смотреть с невысказанным вопросом, я понизил голос и сказал почти шепотом:

– Ваше величество, все сделано. Как вы и велели.

Она нахмурилась.

– Разве я что-то велела?

– Простите, – сказал я, – это я от усталости на почве служения... И восхищения тоже, как бы восторга. Восторг – это крайняя степень восхищения вашей мудростью и величием.

Она сказала резче, но все тем же шепотом:

– Перестаньте. Ничего я не велела. Я только... не мешала. И зачем вы сказали, что против таких химер все-таки есть мощное заклятие? Король Андриас велит тем умельцам ехать в его войске!

– Вы мудры, – сказал я елеинным голосом. – И даже как бы очень мудры!.. Если такого заклятия не оказалось бы вовсе,

король Антриас сразу же начал бы наступление, вся равно ничего не поделаться... Но если есть, то нужно на всякий случай пополучить...

Она все еще смотрела с непониманием.

– Дальше.

– Я прочел, – сообщил я, – что заклятие, делающее незримых химер видимыми, есть только у членов гильдии магов Селентио, а еще... его невозможно выучить так просто, на это уходят годы. Антриасу, если восхочется защиту от таких химер, нужно будет одного-двух магов из Селентио везти в своем обозе... или при себе лично. А там такие дряхлые старики, что это надолго затормозит наступление его армии.

Она поинтересовалась:

– А если решит обойтись без них?

– Вероятность велика, – признался я, – но все же больше шансов на то, что смирит свое нетерпение и все же усилит свою защиту. Тем более что он теперь один, войска Опалоссы с ним не пойдут.

Она подумала, кивнула, но лицо оставалось таким же напряженным, а в глазах не угасала тревога.

– Не нравятся мне такие сложные игры, – произнесла она. – Хотя понимаю, побеждает тот, кто сумеет перехитрить.

Дверь приоткрылась, заглянул слуга.

– Его глердство канцлер...

Королева чуть наклонила голову.

– Пусть войдет.

Мяффнер не вошел, а почти вкатился на коротких ножках, семена ими так быстро, что буквально подплыл к нам. Королева кивнула ему на свободное кресло.

– Глерд, – спросила она, – вы разобрались с тем, что ожидается в землях гуцаров?

Он ответил почтительно:

– Да, ваше величество. Все данные говорят, что, как мы и предполагали, гуцары будут сражаться отчаянно и нанесут армии Антриаса немалый урон. Так что он зачистит те земли для вас.

– А не для себя? – уточнила она.

Он замялся, я поспешил глерд-канцлеру на помощь:

– Дело в том, ваше величество, что в результате нашей... в смысле вашей, активной политики можно решить эту проблему окончательно.

– Что-что?

– Что именно сообщают ваши люди из королевства Опалосса? – спросил я. – Если корону взял в руки Плаций, законный король, то он должен быть заинтересован обезопасить себя от воинственной Уламрии, что всегда угрожала их существованию и понемногу оттяпывала земли?.. А разве подвернется момент удачнее, чем ввести свои войска в Уламрию, когда вся армия во главе с королем Антриасом отправится через Нижние Долины и увязнет в боях на границе с Дронтарией?

Она молчала, как и Мяффнер, слишком уж неожиданный поворот я предложил. Перспективы в самом деле могут быть грандиозными, то есть навсегда избавиться от угрозы со стороны Уламрии. Однако такое возможно, если только все совпадет самым благоприятным образом. И все будут действовать согласованно.

Мяффнер заговорил медленно:

– Армия его величества короля Антриаса встретит неожиданно упорное сопротивление местных глердов Дронтари, что успеют стянуть войска навстречу. Побеждая в тяжелых боях, уламы начнут продвижение вглубь страны...

Я добавил:

– А в этот момент армия ее величества и все боевые дружины ее глердов выходят из крепостей и перекрывают дорогу обратно! Войска короля Антриаса оказываются зажаты между двумя недружественными королевствами. Очень даже недружественными.

– А в самой Уламрии, – сказал Мяффнер мечтательно, – благодаря вторжению войск со стороны Опалоссы власть короля Антриаса рушится... Ох, это слишком хорошо, чтобы оказалось правдой. Так не бывает.

Королева произнесла со вздохом:

– Да, план хорош... Даже слишком. Такие осуществить не удастся.

– Если так считать, – сказал я, – то не удастся точно. Но у вашего величества достаточно мудрости, чтобы прини-

мать и те решения, которые вашему величеству не нравятся. И, ваше величество, даже осторожные и медлительные правители иногда решаются на очень резкие шаги...

Мяффнер добавил:

— ... если ставки высоки.

— И если риск оправдан, — добавила королева задумчиво и, как мне показалось, с явной неприязнью.

— Оправдан или не оправдан, — сказал я, — решать ее величеству. Оно хоть и осторожное, но умеющее рассчитывать. Здесь сложная партия, но ее величество разберется. А не разберется...

Я замолчал, Мяффнер спросил жалобно:

— Тогда что?

— Вместо Нижних Долин будет другое королевство. В мировой экономике ничего в общем-то не изменится. Одни королевства исчезают, другие возникают. Очень мало таких, кто ухитрится выживать во всех войнах и катаклизмах.

Он вскипел:

— Вы что такое говорите?

Я пожал плечами:

— Глерд... Когда мой конь несся из Уламрии напрямик, он задел копытом муравейник. Большой такой, мне до колена. И снес почти целиком, разметал на три шага. Для муравьев, скажу вам, это чуть ли не конец мира!.. Но лес такой исполинской катастрофы как-то не заметил, представляете? Исчезновения королевства Нижние Долины мир тоже не за-

метит. Это вам говорю я, человек, прочитавший в библиотеке ее величества о сотнях королевств, которые, кто бы подумал, были огромные и могущественные, но где-то допустили ошибки. История, уж поверьте, неумолимо ведет отбор.

Мяффнер сказал умоляюще:

– Перестаньте! Я понимаю, мы в самом деле можем исчезнуть, если примем неверное решение.

– Или не примем верное, – сказал я жестко, – если глерд Иршир предлагает поосторожничать и ничего не предпринимать. Мол, пронесет.

Он умолк и даже дыхание придержал, глядя на королеву. Она молчала, глядя перед собой и поверх наших голов. Мяффнер не выдержал, тяжело вздохнул.

– Я приму решение сегодня же, – возвестила королева. – Вас известят.

Мы поднялись, отвесили поклоны и потащились к двери. Я чувствовал, что королева желает что-то сказать наедине, но оставлять меня сейчас, когда вытолкала в шею глерд-канцлера, как-то не с руки.

Утром Фицрой разыграл, когда я заявил, что меня отправляют с важной миссией в Дронтарию, а это в противоположную от Уламрии сторону. Если он готов присоединиться, то, возможно, увидим настоящее море, до которого он так и не добрался.

– Это у тебя такие шуточки? – спросил он. – Я бы и без те-

бя поехал в Дронтарию. Тут осталось совсем немного знатных вельмож, которых еще не обыграл, несколько женщин, которых еще не пощупал, и почти нет таких винных подвалов, из которых не отведал бы вина.

– Тогда проверь коней, – посоветовал я, – королева велела выделить лучших. Я могу ошибиться, но тебя не проведешь, верно?

Он ухмыльнулся.

– Ты делай свое, а за коней не волнуйся. Разберусь.

Через полчаса я уже стоял перед королевой, а она вручила мне перевитый красными лентами и скрепленный сургучом с печатями пенал, внутри которого свернутый в трубку лист письма к королю Дронтарии Астрингеру.

– Глерд, – сказала она, – теперь очень многое зависит от вас.

– Я сделаю даже больше, – пообещал я.

– Глерд?

– Наловлю для вашего величества рыбы, – пояснил я. – Вы рыбу едите?.. Ну вот, а там, как я слышал, море.

– Без рыбы я проживу, – ответила она сухо, не до шуток, мой тон почему-то не нравится, – а вот договор с королем Астрингером был бы кстати. О взаимодействии.

– Ваше величество, – шепнул я, – только ни в коем случае никому не говорите, что знаете насчет плана короля Антриаса пройти через королевство и ударить по Дронтарии!.. Разве что Мяффнеру, он и так это знает.

Она ответила так же приглушенно, но сухим голосом:

– Догадываюсь.

– Нельзя раскрывать карты раньше времени, – пояснил я занудно. – Никому. Вы ж не знаете, кто работает на короля Антриаса?.. И кто просто подрабатывает по мелочи?

– Глерд, – прервала она, – я уж как-то разберусь, что мне делать. Езжайте!

– Как вы меня любите, – сказал я с восторгом, – лишнюю минуту со мной страшаетесь побыть... Все-все, уйду, даже убегаю!

Во дворе Фицрой рассматривает придирчиво уже не коней, а сбрую, небрежным шевелением пальцев заставляя убирать одну и подавать другую, еще более яркую, дорогую, наконец вскричал громко, выражая крайнее нетерпение:

– Вы что притащили? Мы едем сватать глерда Юджина, все для него должно быть лучшее!.. Или в самом деле не хотите от него избавиться?

Слуги забежали быстрее, я посматривал с некоторой неловкостью, Фицрой выбрал шесть великолепнейших коней, двое нам под седла, двое в запас и двое под груз, где в моем мешке помимо снайперской винтовки еще и все то, что закупил или насобирал в своем коттедже в последний раз – я же запасливый.

Глава 7

Чистое оранжевое небо, огромное солнце, похожее на ковш с расплавленным золотом, зеленая трава под копытами наших коней, была бы везде такой, не было бы нужды в подковах, свежий чистый воздух, что превращается во встречный ветерок и предостерегающе треплет волосы, если пускаем коней вскачь.

Фицрой наряднее фазана, весь в красно-золотом, только плащ с плеч красиво ниспадает на конскую спину до самой репицы хвоста, белоснежный, расшитый по краям золотой вязью, сапоги из тонко выделанной кожи, как и штаны, только на сапогах еще и металлические вставки якобы для крепости, но на самом деле опять же для бахвальства.

Даже хвастливая шляпа на нем с разноцветными перьями, а рубашку на груди обнажил, все забываю спросить, почему перестал носить тот костюм, что я ему привез из запасов Рундельштотта.

Он поймал мой взгляд, заулыбался во весь рот.

– Ты чего такой хмурый?.. Посмотри, как все на свете радуется!..

– Да так, – ответил я, – все думаю, не заболел ли ты...

Он изумился.

– С чего вдруг?

– Что-то давно никому ничего не продавал, – напомнил я.

Он беспечно отмахнулся.

– Если что-то попадется, почему нет? Я люблю это дело.

– Любишь? – спросил я с упреком. – Наслаждаешься!..

Только мне еще не продал тот зуб дракона...

Он оживился.

– Хошь продам? Дешево!

– Нет уж, – отрезал я. – Мне ты не продашь.

Он печально вздохнул.

– Тебе нет, а жалко. Ты сам такой жук, что даже и не знаю.

Потому я такой в тебя влюбленный, никак не пойму, что ты за ящерица.

Дважды заночевали в небольших селах по дороге, а в третьем нам сказали шепотом, что дальше у переправы через речку видели разъезд принца Роммельса. То ли следят за уровнем воды, то ли собирают плату с тех, кто переправляется на эту сторону.

Я подумал, сказал Фицрою:

– Останься здесь, я проведу челночную дипломатию.

– Чё-чё?

– Туды-сюды, – пояснил я. – Быстренько заскочу к Роммельсу, я что, не говорил?.. И тут же обратно.

Он охнул.

– Зачем?

– Да так просто, – объяснил я. – Обнимемся, как братаны, погодохем над королями, и вернусь обратно. Даже напиться не буду.

Он сказал саркастически:

– Так я и поверил... Точно там либо земля провалится, либо гора вырастет... Ладно, но если удержишься, я коней пропью, а мешки и седла продам!

– Договорились, – сказал я. – Себя только не пропей. Не поверишь ли, ты мне даже дороже коня... вон того, заднего.

Фицрой оглянулся.

– С поклажей?

– Нет, – возразил я, – без поклажи. И даже без седла... Пожалуй, и уздечку бы я снял...

Он сказал подчеркнуто зло:

– Езжай! А то еще и подковы захочешь содрать.

Дорога быстро вывела на берег реки, моста нет, как не видно лодок. Я привстал в стремях, ну да, так и есть, понятно даже по тому, что река вдруг разлилась так широко, даже отсюда видно брод...

С этой стороны трое мужиков весело переговариваются, с того берега как раз в воду съехали две подводы, запряженные волами, на первой двое крестьян, на второй мужик и три молодые девки.

Я пустил коня неторопливой рысью, эти трое роммельсовцев уставились на меня с интересом, что и понятно: одинокий всадник, одет богато, без доспехов и оружия, какой-то слишком беспечный, словно сынок богатых родителей, не знающий еще, что не все будут кланяться.

Я крикнул издали:

– Вы, ребята, из отряда Роммельса?

Они переглянулись, один ответил напыщенно:

– Из армии принца его высочества Роммельса!

– Прекрасно, – ответил я, – значит, еду правильно. Кто-то из вас меня проводит?

Они снова переглянулись, я увидел, как у всех на мордах появляется одинаковое выражение.

Один ответил медленно:

– А кто ты, чтобы тебе самого принца лицезреть?

Двое его соратников начали заходить с двух сторон, а он сам приблизился спереди, как будто не смогу стоптать ко-нем, если понадобится.

– Посланник, – ответил я, – принц будет заинтересован!.. Если так уж заняты... я могу проехать и сам. Этой дорогой?

Двое подошли вплотную, один провел кончиками пальцев по окантовке моего седла, в глазах разрастается хищный блеск, даже дыхание пошло чаще, как у человека, что готовит себя к быстрому взрывному действию.

Я повторил:

– Этой дорогой?.. Ребята, только не глупите. Если видите, что не хватаюсь за рукоять меча, это не значит, что я овечка. Скорее, наоборот.

Старший поднял руку и неспешно взялся за уздечку.

– А мне кажется, – произнес он с триумфом, – ты просто дурак... Стаскивайте его!

Тот, что гладил сапог, первым цапнул меня за ногу, а второй чуть запоздал, но ухватился крепко и жестко.

Я выстрелил в лицо правого, потом тут же повернулся и всадил пулю в лоб левому, а вожак все еще продолжал удерживать коня, на лице только-только начало появляться выражение страха и непонимания.

– И что, – спросил я, – дорога к принцу через речку или вдоль этого берега?

Он ответил слабо:

– Вдоль... Направо... вон тропка...

– Спасибо, – ответил я и выстрелил в него дважды.

Он рухнул навзничь, я натянул повод, конь послушно повернулся, и мы понеслись вдоль берега по едва заметной тропке.

Оглянувшись, я увидел, как обе подводы остановились посреди реки, но вода, что достигает до середины колес, тут же начала подгребать к ним песок, и оба возницы, опомнившись, начали нахлестывать волов, стремясь поскорее выбраться на берег.

Через полмили усмотрел, как ни прятались, двоих в кустах, остановил коня, прокричал:

– Эй, вы там!.. Добычу ждете или дозорные?

Некоторое время там переговаривались злыми и разочарованными голосами, наконец поднялся рослый парень с двумя кинжалами за поясом.

– А кто спрашивает?

– Гонец к принцу, – ответил я кратко. – Донесение срочное. Вам лучше провести меня бегом, от этого зависит!

Он спросил туповато:

– Что зависит?

– Так тебе и скажи, – ответил я саркастически. – А допуск у тебя к государственным тайнам какого уровня?.. А сколько проверок пройдено и с какими оценками?

Он обалдел, стараясь понять вопрос, а из-за кустов поднялся другой, весь в бороде, пробасил мощным голосом:

– Ласло, отведи в лагерь. А мы посмотрим, чтобы за ним никто не явился еще.

Парень очнулся, сказал торопливо:

– Да, проведу... Не отставайте, глерд.

Я хотел сказать, что на коне точно не отстану, но он бросился бежать вдоль берега с такой скоростью, что пришлось пустить коня в галоп, а потом тропка запетляла, растерявшись, куда бежать, с перепугу юркнула в лес. А там то коряги, то нависающие ветки, но я успевал пригибаться, конь тоже перепрыгивал вовремя, и наконец тропка стала плотнее и шире, впереди показались шалаши.

Мы промчались мимо первых часовых, но перед вторым рядом провожатый не только замедлил бег, но и остановился, крикнул запыхавшись:

– Гонец к принцу!..

Мужики с пиками и луками в руках внимательно оглядели меня, я добродушно улыбался, им это не понравилось, дол-

жен бы бояться их вида, непорядок, один сказал хмуро:

– Возвращайся. Дальше отведу сам.

Я дождался, когда он молча кивнул мне и пошел впереди. Я некоторое время ехал на расстоянии, а когда тропка расширилась, пустил коня с ним рядом.

Он покосился на неприятного соседа, буркнул:

– Как нас отыскиали?

Я ответил беспечно:

– Встретил там троих ваших у брода. Взимали с крестьян пошлину за переправу.

Он нахмурился.

– Пошлину? За переправу?.. Мы не посылали туда таких.

– Правда? – спросил я. – А ваше... руководство?

– Нет, – отрезал он. – У нас давно так не собирают.

– Ого, – сказал я с удовлетворением. – Значит, уже порядок и законность? Прекрасно... Тогда почему те... или мелкие разбойники грабят крупных?.. Это не ново. Хотя что в жизни ново?.. А где сам Роммельс?

Он переспросил с надменностью в голове и взоре:

– Вы о принце?

– Да, – подтвердил я, – о принце. Или, думаете, я ехал пожаловаться на грабящих вас разбойников?

– Нас никто не смеет грабить, – огрызнулся он. – Даже королева!

– Хороший ответ, – согласился я. – Так где принц?

Некоторое время он не отвечал, за это время мимо нас по-

шли шалаши, народ попадаетея диковатый с виду, все с топорами за поясом, большинство сидят у костров, от безделья пьют и едят, а чем еще заниматься в ожидании дня, когда надо будет встать и спасти мир.

Он остановился резко, бросил, не глядя на меня:

– Ждите здесь, глерд. Вы же глерд?.. Его высочеству сообщат. Как только возжелает, прибудет.

– Если будет медлить, – обронил я, – то не узнает нечто. Да, нечто. Я ждать долго не буду.

Он процедил сквозь зубы:

– Вы пробудете здесь столько, сколько изволим мы.

– Не думаю, – ответил я. – Те трое тоже так почему-то решили, но на мне ни царапины, а их головы превратились во что-то неприятное. Сейчас там вороны, что с интересом наблюдали за нами, пируют их мозгами. Дураки, верно?.. Нет, не вороны, а те грабители. Думаю, они не одни на свете дураки... Есть еще, верно?.. Как думаешь, где они?

Он снова смерил меня с головы до ног взглядом, полным подозрения, наконец кивнул одному из наблюдавших за нами разбойников.

– Сбегай к его высочеству. Доложи.

Разбойник переспросил туповато:

– Чё доложить?

Мой провожатый поморщился.

– Что видишь. И что услышал. Нам скрывать нечего.

– Прекрасно, – одобрил я. – Свобода слова, информа-

ции... это важнейший элемент правового общества! Я так и думал, что свобода зарождается как-то вот так интересно и несвоеобычно... И что отсюда растут ноги у правового общества, не скованного никакими предрассудками, условностями, общества открытой толерантности, мультикультурности и сексуальных свобод! У вас насчет сексуальных свобод как?

Разбойник, посланный за принцем, уже исчез, а провожаемый посмотрел на меня исподлобья.

– Насчет баб?... За ними ходят в деревни.

– Значит, еще нет свобод, – сказал я со вздохом. – Женщины им обязательно нужны! Узкомыслящие люди. Не демократы еще, хотя почти гуманисты. Мало среди вас интеллигентов, что странно, вы же такие свободные и романтичные...

Он подтянулся, взор сделал ясным и решительным, а нижнюю челюсть выдвинул вперед. Из чащи в нашу сторону идет быстрыми шагами высокий жилистый человек в хорошо пригнанной по телу одежде глерда, с мечом на боку и кинжалом в ножнах на поясе.

Я сразу понял, что это за «принц», такие могут основать целые династии не только принцев, но и королей, но сами чаще всего даже не знают своих родителей, рожденные и выросшие в каком-нибудь притоне мелких карманников и дешевых шлюх.

Он сразу вперил в меня злой и требовательный взгляд, а я

ответил широчайшей улыбкой всегда счастливого и довольного собой и жизнью человека. Но принц есть принц, а я просто глерд, потому я покинул седло, бросил одному в лицо повод.

– Храни!

Вокруг меня уже появились люди с топорами за поясами, один сказал быстро:

– Принц, оружия при нем нет!

Принц остановился передо мной за пару шагов, оглядел с головы до ног.

– Без оружия? – спросил он. – Что за мужчина без оружия?

Провожатый довольно гоготнул. Я ответил мирно:

– Зачем таскать лишнюю тяжесть?... Оружия хватает там, где бываю... Например, здесь...

Прозвучало это настолько мирно и почти ласково, что все как-то сразу гоготать перестали и торопливо отступили на шаг, щупая топоры и кинжалы, пока не отнял.

Принц тоже посерьезнел, кивнул, не сводя с меня пронизывающего взора.

– Да, встречал таких... С чем прибыл?

– Здесь отвечать, – поинтересовался я многозначительно, – или же где-то за столом? А то в двух словах не рассказать... Хотя могу.

Глава 8

Он посмотрел, прищурившись, я ответил наглой улыбочкой всегда уверенного в себе глерда, пусть глупого, но отважного, и он велел одному из своих:

– Очистить комнату у Камиллы. Подашь туда вина.

– Сделано, – ответил тот браво.

Роммельс сказал негромко:

– Пойдем. Что там насчет каких-то разбойников на переправе?

– Трое собирали дань, – пояснил я. – Именем принца Роммельса на благо его будущего правления. Видимо, на сидение в Санпринге. Это город такой.

Он нахмурился, бросил на меня злой взгляд.

– Я так не делаю. Это были не мои люди!

– Да? – переспросил я с иронией. – Вблизи лагеря?.. Думаю, решили просто подработать.

– Я отыщу и накажу, – сказал он лютно. – Никто не смеет меня позорить мелочными поборами.

– Хорошо сказано, – одобрил я. – Воровать – так миллион, а иметь – так королеву... Я хотел одного оставить в живых, чтобы привел в лагерь, но люди, сами знаете, такие хилые... взял и моментально помер, как и его дружки. Но, думаю, дорогу сюда точно знает. А ваш или не ваш, разбирайтесь сами.

Он зыркнул на меня все так же зло.

– Что, там остались все трое?

– У переправы, – сообщил я. – Но, думаю, их сдвинут с дороги, чтоб проезду не мешали.

За деревьями показался добротный домик, сложенный из бревен, оттуда двое разбойников торопливо выпихивают в спину веселых мужчин с бурдюком вина.

Роммельс сказал морщась:

– У нас переизбыток сил, а помещений мало... Заходите, глерд. Не бойтесь, в спину не ударю.

В помещении достаточно чисто, есть стол и с десяток табуреток и даже три стула. Я сел, не дожидаясь приглашения хозяина, ибо настоящий хозяин здесь, как и во всем королевстве, – Орландия, а я ее полномочный представитель.

Он нахмурился, но сел напротив, громко стукнул кулаком по столешнице. В комнату вбежал юркий малый с кувшином и двумя медными чашами, настоящий слуга по замашкам.

– Прости, принц, – крикнул он весело, – не сразу отыскал!

Взглянув на меня, ухватил чистое полотенце и старательно вытер изнутри обе чаши, расставил перед нами и налил обе до верха.

– Хорошо, – произнес Роммельс. – А пока побудь у крыльца. Посмотри вокруг дома.

Тот бросил на него укоризненный взгляд, но перед чужаком нужно выказывать дисциплину, повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Роммельс припал к чаше, я наблюдал, как он осушил

до дна, снова наполнил и поднял взгляд на меня.

– Не пьешь?

Я отхлебнул, кисловатое, выброжено досуха, то есть интеллигентно сухое, но я человек с нормальными мужскими вкусами, предпочитаю сладкое, пусть даже крепленое, и плевать, что это неинтеллигентно.

– Неплохое, – ответил я равнодушно. – Прибыл я не просто из Санпринга, а из дворца королевы.

– Ого, – сказал он с удовольствием. – Что, в столице решили сдаться и признать мои права на трон?

Я кивнул.

– Точно. И еще решили пряник дать. Большой такой. С дыркой.

– Ну-ну, – поторопил он. – Кто, что, зачем?.. Мяффнер что-то задумал?

Я покачал головой.

– Нет, инициатива королевы. Поручила побывать здесь, оценить и принять решение.

Он усмехнулся.

– Настолько доверяет?.. Хотя это неудивительно.

– Я получил ваше поздравление и благодарность, – подтвердил я. – Королева удивилась, но я видел, ей приятно.

Он оживился.

– Правда?

– Точно-точно, – заверил я. – Всем нам приятно слышать приятности в свой адрес. Но, понятно, от вас было приятнее,

чем, скажем, от любого из ее вельмож.

Он засмеялся.

– Те могут и солгать, а мне зачем?.. Я тоже рад.

– И на этой радостной ноте, – сказал я, – перехожу к деловой части. Выдам государственную тайну, но, надеюсь, еще несколько недель это не покинет пределы вашего лагеря.

Он посерьезнел, сказал тише:

– Обещаю. Что случилось?

– Армия короля Антриаса готовится вторгнуться в Нижние Долины. Уламрия долго зрела, но сейчас как никогда подготовилась к большой войне.

Он сказал зло:

– Вот сволочь ненасытная... Королева готовится дать отпор?

– Прорабатывается сложный план, – ответил я уклончиво. – Дело в том, что настоящая цель Антриаса – Дронтария с ее выходом к морю. Он в тайной переписке уведомил... или еще не уведомил, но сообщит обязательно, что не жаждет воевать с Нижними Долинами, а хочет ударить по Дронтарии, чтобы получить выход к южному морю. Потому просит свободный проход своей армии через Нижние Долины.

Он спросил сквозь зубы:

– А что наша трусливая королева?

– Ее величество, – ответил я, – запланировала удержать свою армию до момента, пока Антриас не ввяжется в сражения в самой Дронтарии, а затем ударить ему в спину.

Он сказал с удовлетворением:

– Хорошо, чисто по-женски! В спину мерзавца... Но что королева хотела бы от меня?

– Победа будет полнее, – сказал я, – если армия Антриаса прибудет к границам Дронтарики голодной и с отощавшей конницей. Идеальный вариант, если ваши конные отряды пройдут впереди армии, забирая все запасы продовольствия и сжигая сено, а когда Антриас начнет высылать в стороны отряды фуражиров, то уничтожать их на месте грабежа.

Он кивнул.

– План разумный.

– В идеале, – сказал я, – вообще лишить Антриаса обоза. Он человек пылкий и увлекающийся, может пойти ускоренным маршем, чтобы поскорее вырвать победу, потому обоз неизбежно отстанет.

Он снова кивнул, лицо оставалось серьезным и озабоченным.

– Да, шансы есть. Однако я не понял...

– Да все вы поняли, – сказал я дружеским тоном. – Конечно, вы не в королевской армии и указаниям ее величества не подчиняетесь. А на призыв к патриотизму и защите королевства вам наср... Какая разница, кто на троне?

Он возразил:

– Для нас – большая! На троне должна сидеть принцесса Адрианна.

– За принцессу Адрианну вы бы сражались, – согласился я, – а за королеву Орландию нет, это понятно. А как насчет королевства Нижние Долины?.. Ха, ну и лицо у вас!.. Даже не поняли вопроса? За королевство тоже можно сражаться, как и за все на свете. К примеру, за оброненный дам мой платок.

Он криво ухмыльнулся.

– Верно, можно. Но я не буду.

– Я бы тоже не сражался, – согласился я. – Границы постоянно двигаются, и мне все равно, кто король, если я того короля не вижу и не слышу. Но ее величество, понимая, что имеет дело с практичными людьми, а не прекраснодушными мечтателями, поручила мне поговорить о деловой стороне вопроса.

Он насторожился, допил вино и покачал головой, когда я взялся за ручку кувшина.

– Мне достаточно. Кто много пьет, тот плохо воюет.

– Золотые слова, – согласился я.

– Вы тоже пьете мало, – заметил он.

Я улыбнулся.

– По той же причине. Итак, если сделаете то, о чем мы говорили, то и общественное мнение глердов и всего двора переменит о вас мнение, и ее величеству гораздо легче будет даровать вам и вашим людям амнистию.

Он нахмурился.

– Всего лишь всемилостивейшее прощение?

Я покачал головой.

– Расскажу вам о пирате Моргане в нашем далеком королевстве, который грабил корабли, за поимку королева обещала огромные деньги, но всему королевскому флоту не удалось его уничтожить, и тогда она приняла поистине гениальное решение...

Он спросил с интересом:

– Какое же?

– Она дала ему высокий титул и назначила наместником крупнейших островов в своей империи. Бывший разбойник сразу стал одним из знатнейших людей империи. Его дети заняли важные посты в государстве, а награбленные богатства создали целую империю Морганов, богатейшего клана... Это я к тому, что наша королева совсем не дура, как вы уже поняли. Но ей для вашей легализации нужен повод. Понимаете? Морган не просто стал наместником, а уничтожил пиратство, сделал тот нищий край богатым и процветающим, что увеличило не только его богатства, но и его репутацию как умелого правителя. Потому знатнейшие люди королевства так старались породниться с ним!

Он задумался, наконец покачал головой.

– Я принц... и никакой другой титул меня не устроит. Королеву Орландию я не признаю королевой, так как ее отец хотел отдать трон Адрианне.

Я ощутил горечь поражения, сказал быстро:

– Я вас прекрасно понимаю, принц!... Но вы политик,

а не просто крепкий мужик с мечом в руке! Вы просто обязаны идти на культурные компромиссы для достижения своих главных целей!

Он буркнул с тоской:

– Да что вы знаете о моих главных целях...

– Ничего, – признался я. – Но вы не сделаете к ним шаг, если не рассмотрите нашу ситуацию со всех сторон, даже сбоку, хоть это и бесстыдно. И если не увидите моменты, где можно уступить, а где нужно стоять на своем! Вся жизнь – компромисс, так уж кем-то задумано. Кстати, вторгаясь в Нижние Долины, король Антриас наносит ущерб и оскорбление и Адрианне!

Он поднял голову, в глазах мелькнули огоньки.

– Андрианне?.. Вообще-то да, это ее королевство...

– А компромисс может быть в том, – сказал я, – что вы можете принять из рук королевы титул глерда, но не отказываться от своих прав на титул принца!..

Он посмотрел с подозрением.

– А разве это не будет считаться изменой?

– Измена, – пояснил я, – когда вооруженное восстание, мятеж, заговор. А так вон герцог Хоткингард претендует на трон, герцог Тархантер и еще какие-то хмыри, как я слышал, уверены, что на троне должны сидеть они, как последние потомки каких-то древнейших королей... которые не то были, не то придуманы, не то просто песни...

Он задумался, я перевел тихонько дыхание, чувствуя,

что подбросил в огонь сомнений вязанку хороших сухих дровишек, как та святая простота, что пожертвовала с трудом собранную вязанку хвороста в огонь для Гуса.

– Обретя легальность, – сказал я, усиливая нажим, – вы сможете вербовать в свои сторонники не только неграмотных крестьян, но и вельмож!

Он криво усмехнулся.

– Сюда в лес?

Я посмотрел свысока.

– Вы еще не знаете, что столица еще тот лес!.. А королевский дворец – самая дремучая чаща. И хищники там ой-ой, лесным волкам с ними лучше не встречаться...

Он встал, с шумом отодвинув стул, заходил взад-вперед по комнате. Мне показалось, что старается вернуться в образ злого и решительного вожака разбойников, беспощадного и уверенного в своих силах.

– Этот вопрос отложим, – сказал он наконец. Остановился и посмотрел на меня злыми глазами. – Нужно подумать, я не решаюсь заглядывать так далеко вперед.

– Хорошо, – сказал я, – а как насчет армии Антриаса?

Он сказал резко:

– Дойдет до Леггинга, это городок примерно в середине Нижних Долин, там мы его и встретим. Если обоз отстанет, отобьем. Все попытки раздобыть провизию в селах будем пресекать.

– А еще можно тревожить по ночам, – подсказал я, – под-

нимая шум и делая вид, что идете в атаку. Пусть спят в доспехах и с мечами в руках. Утром из них будут никакие воины... Хорошо, принц! Откланиваюсь.

Он спросил удивленно:

– А погулять с нашими орлами? Вы, глерд, как мне кажется, не совсем уж придворный.

Я коротко усмехнулся.

– Вы хотели сказать, я совсем не придворный?.. Точно. Итак, за вашу и нашу свободу!

Мы вскинули кулаки, я коротко поклонился и вышел на солнечный свет, где сразу крикнул с властью урожденного в самых верхах глерда:

– И хде моя лошадка?

Фицрой, пыхтя и покрикивая на коня, затягивает подпругу на его пузе, тот недовольно мотает головой и надувается, вроде бы просто вздыхает от горя, а когда мой конь простучал копытами совсем рядом, оба подняли головы и с интересом уставились на нас обоих.

– Что-то ты быстро, – заметил Фицрой. – Это и понятно. Пошел бы я, меня бы разбойницы так быстро не отпустили бы.

– Я же сказал, – напомнил я сварливо, – что у меня челночная операция, туды-сюды и обратно. Ты вон даже коней не успел поседлать!

– Так я ж тебя знаю, – отпарировал он. – Тебя здешние

лесные девки прогнали в шею.

Я пустил коня шагом вперед по тропе, уводящей из леса.

– Зачем в лес, если разбойницы все женщины на свете?

Он вскочил в седло, повернул коня вслед за нами. Остальные, связанные длинным поводом, послушно потянулись следом.

– Ты прав, это я что-то всегда думаю о них лучше. В городах еще свирепее! А в дворцах и опаснее. Ладно, поехали. Посмотрим, каковы они в Дронтариин.

– Я в Дронтарию еду смотреть не на женщин, – сказал я с достоинством. – Хотя, конечно...

– Вот-вот, – согласился он. – Хотя. Так, не снимая охотничьих сапог.

Деревья справа от дороги зашатались, словно некто огромный чешет о них спину. Я приподнялся в стремянах, однако кудрявые верхушки берез закрывают кругозор, донесся только храп и могучее сопение.

– Вот так и езжай с тобой напрямик, – сказал Фицрой тихонько, перебросил повод в левую руку, а правой вытащил меч. – Каждый раз вот что-то да попадется.

Березы вздрагивать перестали, зато дернулась там вдали высокая гордая сосна, а чуть позже еще одна, подальше...

Фицрой договорил:

– ... а потом ничего не случается!

Я прислушался, храп и сопение неспешно удаляются, наконец исчезли вовсе. Фицрой с лязгом забросил меч обратно

в ножны. Лицо стало расстроенным.

– Не понял, – сказал я, – ты рад или не рад?

Он подумал, вздохнул.

– Не знаю. Я всегда стараюсь избегать опасностей, но тогда и приключений нет, а без них скучно. Но одни приключения, когда все просто, то и не приключения... Мне чтоб все в одном кошельке: прибыль, приключения... из-за них, ладно, пусть и опасность.

Я кивнул в ту сторону, куда удалился неведомый зверь.

– А какая с него прибыль?

– Не знаю, – ответил он. – Вдруг у него шкура из чистого золота?

Дорога беспечно и легко идет по равнине, опасливо обходит особо темные леса, торопливо перебегают мелкие речушки. На горизонте иногда возникают высокие горы, но чаще их заслоняют исполинские деревья, гордо выдвинутые лесом на опушки.

На ночь останавливаемся в селах, Нижние Долины – довольно густо населенное королевство, даже Уламрия показала куда более пустынной, это следствие разного отношения к населению короля Антриаса и королевы Орландии.

Трижды за все время встречали шайки разбойников, и все три раза эти тупые делали попытки хотя бы отобрать у нас коней.

В последний раз, когда Фицрой молча вытащил меч, а я ласково посоветовал им убиться о деревья, вожак предложил

компромисс:

– Ладно, если такие отважные, то уезжайте на тех конях, что под вами. Остальных оставьте.

– Мужик, – сказал я, – ты совсем дурак? Где твое понимание ситуации, ты же вождь! Если двое вооруженных мужчин решаются ехать через дремучий лес, то они точно уверены насчет себя и даже своих коней!

– Но мы тоже уверены, – сообщил он. – Кроме того, нас восемь человек...

– Десять, – сказал я. – Да-да, я заметил тех двух на дереве. Но прежде чем попробуют спрыгнуть, они... умрут.

Он дернулся, когда я не глядя ткнул большим пальцем вверх, но быстро пришел в себя и спросил нагло:

– И как они там умрут на дереве?

– Им лучше замереть и не двигаться, – посоветовал я. – В общем, мужик, я готов поверить, что голод и неурожай толкнули вас всех на путь грабежа, а не желание легкой добычи, да чтоб еще поглумиться, понасиловать...

Вожак заколебался, очень уж уверенно говорю, но вздохнул, набрал в грудь воздуха и взглянул на толстые ветки над нашими головами. В моих ладонях возникли рукояти пистолетов, когда он только начал открывать рот для громкой команды.

Я выстрелил дважды, даже целиться не нужно, и тут же перевел огонь на вожака и его соратников.

Их трясло и бросало навзничь ударами тяжелых пуль.

Фицрой, спеша успеть, пустил коня вперед и зарубил двух, а я еще стрелял в спины двух самых смышленных, что бросились бежать, но в такой ситуации и на таком расстоянии убежать очень непросто.

Двое, что упали с дерева, воют и стонут, заливая землю кровью, одному две пули попали в промежность, а второму, похоже, одна рассекла артерию в бедре.

– Поехали, – велел я, – Фицрой, это бедные люди, у них ничего нет.

Он сказал со вздохом:

– Наверняка. Хотя иногда в их сумках встречаются и редкости. Они же везде лазают, могилы вскрывают, в подземельях рыщут...

Но спорить не стал, мы поехали дальше, оставив трупы и стонущих раненых, которые точно не проживут и часа.

Глава 9

Чувство опасности, что в последнее время вроде бы совсем уснуло, пробуждаться начало как-то странно. Я то и дело вздрагивал, слыша, как в кустах треснет веточка или шелохнется камыш вдоль берега реки, но всякий раз из кустов вылетала потревоженная птичка, из камышей выглядывал кабан, ветви деревьев тревожно шевелятся под порывами ветра.

Фицрой заметил, что испуганно поглядываю по сторонам, тоже повертел головой.

– А-а, и ты заметил?

– Что? – спросил я с надеждой.

– За нами уже следят, – объяснил он снисходительно. – Мы в землях гуцаров, а они к чужеземцам не очень-то ласковы. Обычно привязывают за руки и ноги к коням и гонят в разные стороны.

– Юмористы, – буркнул я. – Шуточки у них какие-то скифские.

– А могут привязать ноги, – добавил он, – к вершинкам нагнутых с разных сторон деревьям. А потом отпустить...

– Славяне, – определил я. – Ничего нового, Фицрой. А еще у нас обожали сажать на колья. Так зрелище надолго и смешнее...

Он зябко передернул плечами.

– С тобой даже ехать страшновато.

– Это предки, – пояснил я благодушно. – К ним нужно относиться с уважением, старину чтить, а памятники охранять! У нас даже законы приняты по охране такого наследия. Дескать, лучше остановить прогресс, но не дать повредиться ни одному из камешков замка наших предков...

Он чуть привстал на стременах.

– Справа и слева приближаются... В галоп!

Кони, словно ощутили наш страх, рванули с места в карьер. Я пригнулся, теперь отчетливо чувствую разлитую в воздухе ненависть, кое-где в дальних кустах мелькнули синие силуэты, но далеко, а преимущество конных дает знать, мы оторвались в этот раз, а потом еще дважды видели не столько засады, как группы охотников, но тут же переводили коней в галоп и стычек избегали.

Я все вглядывался вперед, словно вот-вот там появится огромный полосатый столб с затейливым гербом и надписью «Королевство Дронтария», однако в момент, когда ехали между зеленых холмов, на дорогу вышли трое крепких мужчин, все обнажены до пояса, а штаны короткие, чуть ниже колен, на широких поясах по длинному кинжалу, а в руках короткие копыя с длинными острыми лезвиями.

Фицрой пробормотал:

– Снова? Нет, теперь что-то другое...

Я тоже пытался понять, что именно насторожило, все выглядят очень недружелюбно и, что хуже, в мою сторону от-

четливо пахнуло опасностью. Я попытался понять, от кого из них, ощутил с холодком, что все трое настроены очень решительно.

Я сказал быстро:

– Здравствуйте, мы мирные люди, едем в Дронтарию!..

Мы никого не пытаемся задеть или обидеть...

Старший из троицы сказал надменно:

– Вы вторглись в земли гуцаров.

Фицрой пробормотал как будто с облегчением:

– Вот оно что...

Я сказал как можно искренне, стараясь смотреть прямо в глаза вожака:

– Мы не вторглись! Мы просто едем в Дронтарию.

– Почему не объехали? – потребовал он.

– Но у вас нет границ, – запротестовал я. – Мы же кочуете вправо-влево!.. Да и нет вам ущерба, мы же не селиться сюда приехали. Просто едем в королевство...

Он прервал:

– Вы нарушили наши законы. Слезайте, наш старейшина решит вашу судьбу.

Фицрой засопел, начал присматриваться к тому, что уже взялся за его стремя, а я спросил невесело:

– А где он?

Вожак пожал плечами.

– Думаю, дня за два отыщем. Покинуть седла!

Голос прозвучал зло и решительно, я глазом не успел

моргнуть, как он сделал быстрое движение обеими руками, и острый как бритва кончик копья уперся мне в грудь.

Фицрой выругался, меч блеснул на солнце. Я ощутил в ладони рукоять пистолета, выстрелил прямо в лицо вожака, тут же развернулся и всадил две пули во второго, тот широко замахнулся копьем, как дротиком, успел выпустить из ладони, как его опрокинуло на спину.

Сбоку слышался хрип, Фицрой первым ударом срубил руку своего гуцара, а вторым рассек от плеча и до середины груди. Копье того, которого я завалил вторым, пролетело над Фицроем, он пригнулся, его задело древком по спине.

– Быстрые они, – определил он. – Но одного я успел... А ты чего с ними так долго объяснялся?

– Долго? – переспросил я. – Наоборот... когда в руке молоток, все вокруг кажется гвоздями. Потому и борюсь с собой. Я не должен в любой ситуации применять свой... магический арбалет. Вот только человек такая скотинка...

Он криво ухмыльнулся.

– Понимаю. Ты еще хоть как-то сдерживаешься, но будь у меня такая штука, я бы...

– Плохо сдерживаюсь, – признался я. – А это нехорошо. Нехорошо, когда человек использует силу, когда мог бы убедить. Нехорошо и человеку, и сильной стране принуждать слабых к подчинению...

Он посмотрел с изумлением.

– Ты чего?..

– Я культурный, – огрызнулся я. – Не могу иначе!

– Чего? Поступать?

– Говорить, – сказал я сердито. – Поступаю я все еще как надо и как у нас, питекантропов, принято, но уже говорю о высоких духовых ценностях!.. А это важный шаг к переходу в более цивилизованное общество. С культурными запросами. Ты заметил, я даже убивать не люблю топором по голове, это некрасиво и недуховно, а только издали, чтоб я тут нажал, а там что-то упало.

Он спросил с недоверием:

– А это не выглядит... трусостью?

– Это признак высокой культуры и духовности, – пояснил я. – Это эстетично, когда даже не мараешь руки. При соблюдении этих условий даже высокоодаренные ценители прекрасного готовы воевать, не вставая с дивана...

Он содрогнулся.

– Страшные вещи говоришь. Когда топором по голове – это понятно, убил. А когда вот так издали... то вроде бы и не убил, хотя еще как убил!

– Культура и цивилизация, – высокопарно пояснил я, – в том, что можно убивать издали, к тому же сразу тысячами, и не видеть крови!..

Он сказал серьезно:

– Жуть какая. Я за то, чтобы убивать топором по голове. Или мечом. Тогда видишь, кого убиваешь. И точно не убьешь женщину или ребенка. А из магического арбале-

та... Пускаешь стрелу здесь, а там далеко что-то едва заметное падает. Подумаешь! Когда нет чувства, что убил человека, можно убивать и убивать.

— Для этого все и сделано, — пояснил я, — чтобы не было вины! Когда вот так издали, то любой трус может убить хоть тысячи. Или, скажем, очень совестливый... Тут спустил тетиву, а там в другом королевстве тысяча человек упали мертвыми! Это же какое счастье для тех, кто любит поговорить о культуре и гуманизме!

Он слушал вполуха, а то и вовсе не слушал, настороженно всматриваясь в лесную чащу.

— Мало открытых мест, — проговорил он зло. — Не люблю.

— Вон там редкий лесок, — сказал я. — Проскочим галопом. В крайнем случае на рысях.

— Иди впереди, — предложил он, — а я займусь конями... Нет-нет, я не жалею, что взяли шестерых!

— Сменим, — сказал я. — Боюсь, понадобятся свежие лошади. Но сойдут и полусвежие.

Он остановил коня, двух с поклажей оставили, а с наших сняли седла и перенесли на запасных, это Фицрой хорошо придумал. Пусть не из стратегического расчета, а из простой человеческой жадности, но все равно хорошо, что нам на пользу, а остальные как хотят.

Старались держаться открытых мест, но иногда все же приходится проскакивать через леса, в этом случае даже я

безжалостно подгоняю ничего не понимающих коней, пусть и груженных. Это им все равно, в чьи руки попадут, но я эгоист, а еще жадный, как положено любому нравственному человеку – кони здесь ценность.

Гуцары, как и викинги, почему-то не любят коней и предпочитают сражаться пешими. Вообще-то пешими сражались и знаменитые швейцарские наемники, как и чуть позже германские, но для нас отсутствие у гуцаров конницы хорошо тем, что еще несколько раз пришлось пробиваться через мелкие отряды, загораживающие дорогу, но конной погони за нами не было.

Фицрой, то и дело оглядываясь, проронил с уважением:

– Отважный народ!.. Чужие земли не захватывает, но свою отстаивает.

– Мало их, – ответил я сердито.

– Потому и не захватывают?

– А то! Свою страну не создадут, им все равно придется интегрироваться... ну, вливаться в общую семью народов. Или в тот народ, которого намного больше рядом.

– Не захотят, – ответил он уверенно.

– Чтобы выжить, – заметил я, – нужно быть не только отважным, но и гибким.

– Тогда им придется туго, – сказал он.

– Все зависит от них, – ответил я. – Это геркулановцам было не договориться с Везувием... а люди с людьми всегда могут, да только редко делают.

– Да ладно тебе...

– Сам знаю, – огрызнулся я, – но все-таки за миллион лет культурки что-то да застряло, хрен выдернешь.

– А хотелось бы?

– Конечно, – ответил я с убеждением. – Культура всегда жить мешает!

И в самом деле чувствую угрызения совести, этот народ обречен на истребление, отстаивая свои права и свободы, культурка во мне протестует, а вот демократия рационально говорит, что у них была возможность принять власть королевы Орландии и влиться в жизнь большого и богатого королевства на общих основаниях. А то ишь чего восхотели...

И в плавильном котле племен и народов остались бы живы...

Вообще-то отважные гибнут в первую очередь. В конце концов останутся только самые трусливые, они назовут свою позицию гуманизмом и духовностью, заговорят о подъеме культуры... а может быть, все так и есть?

Кони идут споро, даже груженные, хотя какой там у них груз, одна видимость. Еще несколько раз нас пытались ограбить, и, думаю, одним ограблением дело бы не обошлось. Фицрой то и дело пускал в дело меч, красуясь даже передо мной приемами. Вообще-то не слишком уж виртуозными и хитрыми, я и то могу лучше, но понимает, насколько в рукопашной важна скорость, и двигается, как разъяренный кот в стае собак.

Я обычно держал пистолет наготове, но стрелять приходилось редко, Фицрой успевал, хотя потом бахвалился, как и кого зарубил, а я ехидно указывал, сколько ударов он пропустил и где у него будут кровоподтеки.

После восьмого и десятого нападения я сказал с сердцем.

– Все, сдаюсь!.. Мяффнер прав, когда несмотря на свое мягкосердечие соглашался на зачистку этого... племени. Брандштеттер вообще желал бы истребить этот народ с женщинами и детьми.

– Дикари, – согласился он. – Им тут жрать нечего... Это от бедности.

– Здесь хорошая земля, – возразил я. – Паши да сей, на пропитание всегда хватит. Скот надо завести, вон какая долина!.. Охотой, как они промышляют, целому народу не прокормиться.

– А разбоем? Я знавал такие. Правда, мелкие.

– Торговые пути не слишком, – сказал я. – Тут не поживиться. А если бы шел большой грабеж, любой король прислал бы армию и все равно бы их истребили. Но теперь король Антриас выполнит за ее величество всю грязную и неприличную работу...

Он насторожился.

– Какую работу?

Я отмахнулся.

– Не бери в голову. Вон олень побежал... Или это косуля?

– Какую работу? – повторил он.

Я вздохнул.

– Это секретные сведения, Фицрой. Но тебе, как другу, проболтаюсь. Армия Антриаса пройдет здесь, чтобы вторгнуться в Дронтарию.

– Что... ты серьезно?

– Еще как, – заверил я.

У него радостно вспыхнули глаза.

– Это же здорово! Наконец-то все завертится. А то, как муха в сметане, все застыло...

– Война, – сказал я, – беда, Фицрой. Кому-то честь и слава, а Улучшателю ухудшение условий работы. Уверяю тебя, если работа по-настоящему интересная, то она куда увлекательнее любой войны!

Он пробормотал:

– Такое не представляю, но верю на слово. Покажешь такую работу, вообще пойду к тебе учеником. Но пока что война – самое веселое и жизнерадостное занятие! Если Антриас пойдет на Дронтарию, он в схватке с гуцарами потеряет часть своей армии. Пусть малую, но все же...

– Это есть в калькуляции, – заверил я. – Все просчитано. Сколько тысяч человек умрет на поле боя, сколько останется раненых, покалеченных, сколько попытается уползать с распоротыми животами, волоча за собой выпавшие кишки...

Он посмотрел на меня с уважением.

– Ну ты и зверь... И так спокойно говоришь!

– Так я же не про людей, – пояснил я.

– А про кого?

– Про живую силу противника, – пояснил я. – А по завершении кровавых битв нужно говорить насчет того, кто проиграл, а кто выиграл. Понял?.. Всего лишь игра!..

Он покачал головой.

– После таких игр ручьи переполняются кровью, а убитые не поднимаются и не идут пить вино со своими убийцами.

– Об этом думать не рекомендуется, – строго сказал я. – Думать нужно только о положительном. Так рекомендуют самые видные специалисты по играм.

– Юджин, – сказал он с укором, – какие это игры! Это кровавые битвы, где мужчины добывают себе честь и славу, выказывая доблесть и мужество...

– Все правильно, – одобрил я. – Все природой просчитано. В битвах выживают самые сильные, они возвращаются в племя и дают потомство всем женщинам, чьи более слабые мужья погибли. Так совершенствуется человеческое племя, что когда-то придет к идее вообще запретить все войны!

Он посмотрел в недоумении.

– Ты что? Как это вдруг без войн?

– Так это только идея, – сообщил я. – Правда, красивая?

Он фыркнул пренебрежительно.

– Вон там впереди река с холодной водой, остынешь на переправе.

– Там будет мост, – сказал я уверенно.

– Откуда знаешь?

– Рельеф, – ответил я, – у простых крестьян сапоги, а не башмаки, развитая инфраструктура дорог... В общем, увидишь.

Кони домчали до берега реки, в самом деле на ту сторону перекинут мост, хотя можно такую и вброд, но телеги с грузом не пройдут, а здесь заселено довольно плотно...

Фицрой недовольно хмурился, привык быть первым в реальном мире, а я начал объяснять, что такое инфраструктура и почему она позволяет предсказать, что и как даже на другом конце королевства.

Еще через две реки впереди переброшены мосты, насчет третьей указали удобный брод, что ближе моста, а четыре или пять одолели с разбега, не покидая седел.

В селах вдоль дороги узнали, что эти земли под рукой короля Астрингера.

– Дронтария, – сказал Фицрой с удовольствием. – Кстати, мы уже два дня едем по ней. Как только гуцаров миновали.

– Гуцары были буферной зоной, – ответил я. – После нашего шествия Антриаса кое-что изменится.

Он насторожился.

– Граница с Нижними Долинами будет одна... и могут быть стычки? Уже с Астрингером?

– Сплюнь, – сказал я сердито.

Фицрой, чувствуя как то ли мы приближаемся к столице Дронтарии, то ли она движется нам навстречу, то и дело пускал коня вскачь, однажды остановился далеко впереди

на пригорке и широко распахнул руки.

– Мне нравится юг!

Глава 10

Мой конь взбежал к нему, я смотрел на раскинувшийся впереди в зеленой долине город и чувствовал, что да, всего пару сот миль по прямой, а мир уже совсем иной, теплее, ярче и солнечнее. Здания из белого и светлого камня выглядят радостными и праздничными, расположены вдоль прямых улиц, на той стороне города широкая полноводная река...

Хотя нет, город хитро влез в загогулину реки, так что вода с трех сторон, что весьма удобно, а потом постепенно разрастался, перебрался на тот берег, там здания заметно новее и выше.

– Так далеко я еще не забирался, – сказал Фицрой с чувством. – Неужели все? Конец?

– Почему? – спросил я.

– Дронтария упирается в море, – объяснил он снисходительно. – Если отплыть от берега, дальше вода кипит, все погибает, понял?

– Да, – согласился я, – столько ухи, просто ужасно. Как думаешь, от Шмитберга до впадения реки в море далеко?

– Не представляю, – ответил он.

– Вряд ли больше десятка миль, – сказал я. – Если бы не вон те холмы, уже увидели бы море.

– Почему так уверен?

– Все селятся возле воды, – объяснил я. – Крупные города выросли на берегах рек. И все стараются поближе не к истокам, а к устью, чтобы и воды побольше, и сразу выход в море... Ладно, поедем, скоро во всем убедимся.

– Думаешь, это и есть Шмитберг?

– Сейчас все узнаем.

Подъезжая к городу, рассмотрели, что стена вокруг него из такого же белого камня, стражников на ней не видать, а у широко распахнутых ворот в сторонке мирно играют в кости двое часовых.

В нашу сторону только покосились, и на этом таможенный досмотр кончился. Пока ехали через город, Фицрой заинтересованно ерзал в седле, а мне здесь показалось чем-то знакомым: южные города одинаково яркие, цветные, безалаберные и смотрятся курортными, если сравнивать с суровой жизнью городов в сторону севера.

Здания украшены полотнищами золотого и красного цвета, они свисают со всех балконов, хотя мне показалось, что там, в глубине улиц, их меньше, а то и нет вовсе. Зато весь ряд зданий вдоль берега сверкает чистотой, крыши везде с красной черепицей, над входом в каждое здание огромный замысловатый герб, я не всматривался, но сделал вывод, что если герб настолько сложен, то это не ранний период, когда геральдика только начиналась...

Многие вывесили из окон цветные скатерти, тоже красные, алые, бордовые, совсем редко синие или голубые.

А через улицы протянулись эдакие растяжки с множеством флажков из дорогих тканей.

– Веселый народ, – сказал Фицрой с радостным изумлением. – Я их уже люблю.

– Праздничный, – согласился я.

Он наконец заметил, что я смотрю по сторонам равнодушно, даже проплывающий вблизи пестрый базарчик не удостоил вниманием, уязвленно нахмурился.

– Свинья!.. Ничего, я когда-то разберусь, откуда ты все это знаешь.

Горожане в нашу сторону поглядывают с ленивым любопытством, определив чужаков издалека, но никто не ринулся предлагать что-то купить, продать или поменять коня на шляпу, что, как мне кажется, разочаровало, а то и насторожило Фицроя.

Он едет красиво, будто король на военном параде, гордо выпрямившись и слегка откинувшись корпусом, одна рука крепко держит широкий повод, усыпанный серебряными звездочками, другая горделиво уперта в бедро, и молодые женщины тут же улыбаются ему загадочно и маняще.

Улыбаясь, он шепнул мне с ликованием:

– А тут может быть жарко!

– Может, – согласился я.

– Да ты не туда смотришь!

На одной из площадей, по краю которой мы проезжаем, в центре собрался народ, на возвышении столб на помосте,

две женщины прикованы металлическими цепями, но это показалось вначале, что женщины, а потом сообразил: прикованы две химеры, нечто ужасное, чудовищная помесь человека и ящерицы.

Под ноги им уже сложили вязанки сухих дров, двое мужиков с факелами старательно поджигают самые тонкие и сухие ветки, от них огонь побежал по разлохмаченной бересте поленьев.

И хотя обе выглядят отвратительно, но все равно я бы не стал сжигать живьем даже гигантскую змею или исполинского тритона, пусть они и проглотили или разорвали неосторожных рыболовов – люди всегда сами виноваты.

Сердце мое тревожно стиснулось, это не то чтобы жалость, чего их жалеть, но все-таки как бы слишком. Понимаю тех, кто со временем публичные казни на площадях перенес в закрытые помещения, лишив народа таких жизнерадостных праздников, хотя и не принимаю полную отмену смертной казни.

Фицрой ткнул меня кулаком в бок.

– Ты чего?.. Смотри, как там весело!.. Чего хмуришься? Мало сухих дров?

Я мазнул взглядом по довольной толпе, там улюлюкают, строят рожи и показывают прикованным химерам кулаки.

– Это не мое, – ответил я коротко.

– Ты что, – спросил он в изумлении, – не рад торжеству справедливости?

– Не очень, – буркнул я.

– Почему?

– Если надо убить, – ответил я зло, – убили бы на месте.

Но зачем глумление? Муки?

Он хохотнул.

– Муки?.. А кто знает, чувствуют ли они муки?..

– Все чувствуют, – отрезал я. – Мы даже овцу стараемся убить одним ударом, чтобы и нож не увидела! А тут... люди.

– Это не люди, – напомнил он. – Хотя... может быть, ты и прав. Убивать надо. А развлечение... не знаю, но если в городе это устраивают, то зачем-то надо?..

– Не знаю, – сказал я. – Не знаю. Поехали-поехали... Рассмотрелся!

Королевский дворец виден издалека, строители расположили его на самом высоком месте. Длинные зубчатые стены, стрельчатые окна, башенки, трепещущие флажки на острых шпилях, вокруг земля вымощена отесанным булыжником, ограда из металлических прутьев в два человеческих роста, расстояние между ними такое, что не пролезть и ребенку, зато дворец виден всем горожанам во всей красе и мощи.

У закрытых ворот рослые королевские гвардейцы в металлических доспехах, я сказал дружелюбно:

– Посол от королевы. От ее величества королевы Нижних Долин Орландии Орнидской.

Гвардейцы смотрели на меня без интереса, один после паузы крикнул:

– Глерд Кракес!

Из крохотной сторожки вышел молодцеватый офицер, быстрый и с подвижным лицом, уверенно зашагал в нашу сторону.

– Кто? По какому делу?

– От королевы Орландии, – сказал я. – По срочному делу к его величеству королю Астрингеру.

Он оглядел меня, а затем и нагло ухмыляющегося Фицроя с головы до ног с нескрываемым подозрением.

– Из Нижних Долин? С посланием от королевы Орландии?

– От ее величества королевы Нижних Долин, – подтвердил я. – А вы что, против дружбы народов?

Он буркнул:

– Да что-то вы не очень...

– Дикие вы люди, – обвинил я. – У вас все по старинке? А где прогресс? Где прогресс, спрашиваю?.. Продвижение вперед? Или, что еще хуже, вы и от моды отстаете?

Он вздрогнул, сказал устрашенно:

– Нет-нет, что вы, глерд, как можно от моды... От всего можно, но только не от моды. Эй, открыть ворота!.. Сейчас я дам провожатого, здесь запрещено болтаться, в королевском саду везде порядок и благорастворение...

Провожатый, еще один глерд помоложе, но в таком же добротном дорогом костюме, выскочил из сторожки, выслушал, кивнул и обратился к нам одинаково нейтрально:

– Глерды, прошу вас. Я младший командир глерд Пэлс Гледжер. Коней можете оставить, их отведут к коновязи.

– Мы надолго, – предупредил я.

– Тогда в конюшню, – уточнил он. – За них не беспокойтесь, коней никто не обидит.

Фицрой хмыкнул, но покинул седло, как и я, но оба мешка снял, пояснив:

– А вдруг у вас тут вместо вина пьют воду?.. Я же умру от жажды.

Офицер улыбнулся.

– У нас хорошие виноградники и отменное вино. Но я вас понимаю, вино должно быть под рукой всегда. Пойдемте!

Фицрой проводил ревнивым взглядом слуг, что набежали из служебных помещений и ухватили коней под уздцы.

– А у вас тут с коням умеют? – спросил он с недоверием. – А то у нас говорят, что в Дронтарии вообще на рыбах ездят...

Офицер усмехнулся.

– На рыбах только колдуны и чародеи. Остальные на конях. Прошу вас, идем во-о-он к тому зданию. Старайтесь не привлекать внимания...

– Почему? – спросил я.

– Время тревожное, – ответил он уклончиво.

Фицрой бросил на меня многозначительный взгляд, я сделал непроницаемое лицо, и так шли, вроде бы вскользь поглядывая на встречающихся глердов.

Почти у всех одежда прошита золотыми нитями, жилеты

из толстой кожи, что выдержит удар тяжелой стрелы, кожаные штаны и сапоги с раструбами до середины бедра. У каждого на груди, как водится, золотая цепь, но вместо медалиона у всех по зеленому камню, то ли изумруду, то ли что-то другое, я не каменист.

Женщин совсем мало, я покосился на приунывшего Фицроя, что-то Дронтария выглядит милитаризованной не меньше Уламрии, все суровые и напряженные.

Со стороны главного корпуса, куда мы направляемся, раздался дикий крик, полный муки и невыносимой боли.

Наш провожатый помрачнел, а я спросил невольно:

– Я думал, пыточные везде в подвалах...

– Здесь юг, – заметил Фицрой с неодобрением. – У них все не как у людей.

Офицер помрачнел, процедил сквозь зубы:

– Его величество предпочел бы пытки.

Крик раздался снова, страшный, нечеловечески мучительный, словно от дикой боли душа стремится расстаться с телом, но то никак ее не отпускает.

Я переспросил:

– Король пытается лично?..

– Король никого не пытается, – отрубил он.

Вид у него был такой, что я спросил невольно:

– Не понял... это король?

Он ответил хмуро:

– Да.

– Что с ним?

– Болен, – отрубил он. – Уже давно. И ему все хуже и хуже. Врачи говорят, осталось несколько дней. А то и часов.

Я покосился по сторонам.

– То-то столько повозок, украшенных золотом. Съехались все претенденты на трон?.. Это понятно. И понятно, почему почти нет женщин.

Он протянул руку, преграждая нам путь.

– Не сюда. Я проведу коротким путем.

Глава 11

Коротким этот путь не показался, совсем наоборот, нас с Фицроем довольно долго вели тесными коридорами, в одной из комнат велели оставить все оружие, так принято, ничего личного.

Дикий крик раздался совсем близко, за дверью, возле которой застыли стражи, несколько слуг и какие-то королевские советники с очень скорбными лицами.

Офицер сказал шепотом:

– Когда у его величества эти боли, крики слышны на половину города... Женщины плачут от сочувствия.

Я кивнул, я не женщина, да и не мой это король, а всех жалеть – язву желудка заработать, а демократ прежде всего должен беречь и жалеть себя, а также восхищаться собой и любоваться, это продлевает жизнь и повышает ее статусность.

– Грустно, – сказал я, – да, грустно. Но вы уверены...

Он ответил нехотя:

– Его величество не прекращает быть королем. И велит докладывать обо всем, что происходит в королевстве. Но все же, глерд, хотя от королевы Орландии с пустяком не пришлют человека, все же пощадите короля и не задерживайтесь у него ни на минуту.

Я ответил с содроганием плеч:

– Глерд, я сам не выношу даже вида больных! Передам послание и сразу же смоюсь.

Он посмотрел на меня со странной смесью укора и благодарности.

– Да, глерд... это было бы... да.

– Фицрой, – сказал я, – побудь здесь, постереги оружие. А то кто знает, что тут за порядки.

Он ответил с готовностью:

– Да-да, ты прав. Рожи у всех какие-то не совсем, а меч у меня, сам знаешь, цены ему нет...

Офицер переговорил со слугами, один отворил передо мной дверь, я переступил порог и остановился, обволакиваемый тяжелым воздухом, наполненным сильным запахом гноя, тяжелой болезни и безнадежного страдания.

На ложе, окруженный подушками и подушечками, распластался крупный человек с нездоровым одутловатым лицом и воспаленными набрякшими веками.

С той стороны расположились трое лекарей, двое сидят у постели, третий наклонился над больным и всматривается в его лицо, время от времени приподнимая ему веки.

На меня покосились с неудовольствием, а слуга, что вошел со мной вместе, осторожно приблизился к постели с распластанным, как рыба на столе у кухарки, королем.

– Ваше величество...

Астрингер прошептал едва слышно:

– Говори...

– Посол от королевы Орландии, – сказал он негромко.

Астрингер с великим трудом скосил на меня взгляд зали-
тых кровью из-за полопавшихся сосудов глаз.

– Что... с нею?

Я ответил с поклоном:

– В полном здравии, чего желает и вам, ваше величество.

– Спаси... сибо, – прошептал он, – но, как видите, глерд...
издохну уже скоро... Вот возликует ваша королева!

– Ваше величество, – ответил я с сочувствием, – вы по-
ступаете нехорошо. Как король, обязаны сперва все сделать
для королевства, а уж потом, если у вас такая блажь, то да,
можете. Но не раньше.

Слуга зло зашипел за моей спиной:

– Глерд! Вы забываетесь. Его величество чувствует себя
очень плохо.

Астрингер ответил вяло:

– Курт, он прав... Говорите, глерд, быстрее, скоро новый
приступ... Не знаю, переживу ли.

Я посмотрел на него, на троих врачей, покосился на слугу,
что не слуга, как оказывается, а либо королевский секретарь,
либо что-то к этому близкое.

– Ваше величество, это как бы только для ваших ушей.
Государственные дела.

Он ответил слабым голосом:

– Глерд... неужели моя венценосная кузина решила при-
нять мое предложение стать моей женой?.. В моем положе-

нии, как видите, есть плюсы... не для меня, конечно...

– Есть и более важные дела, – ответил я и добавил многозначительно: – Даже для больного короля.

Он простонал:

– Вы молоды... Наверное, еще и не болели вовсе... Хорошо, только недолго. Дорогие друзья, оставьте нас... И лекари тоже.

Курт посмотрел на меня с неприязнью.

– Его величество очень болен, – сказал он с нажимом. – Не утомляйте его!

Когда за ними закрылась дверь, я повернулся к постели. Астрингер лежит, как мертвый, лицо желтое, как у мертвеца, веки багровые и напухшие, а губы из бледных становятся синими.

Я поколебался, сказал негромко:

– Ваше величество... я не лекарь, но ваши страдания облегчить смогу.

Он ответил стонуще:

– Я тоже...

– Ваше величество?

– Если хватит сил воткнуть нож себе в горло...

– Не то, – ответил я. – Рискнем? Что вам терять?

Он приоткрыл глаза и с недоверием смотрел, как я щелкнул пряжкой ремня, открылась коробочка, откуда я достал двумя пальцами крохотную белую горошинку.

– Это, – прошептал он, – что... и все?

– Да, – сообщил я. – Положите под язык. Не глотайте. Эта штука быстро рассосется, так быстрее попадет в кровь. Из желудка долго, из пасти сразу. Она у вас вон какая.

Он с трудом высвободил руку из-под одеяла, но поднять не смог, упала бессильно.

– Откройте рот, – сказал я. – Вот так... Не глотайте. Хотя все равно станет легче, но не сразу и не так ударно.

Он послушно принял таблетку, закрыл глаза, я смотрел с сочувствием, даже с глубоким сочувствием, почти с состраданием, хотя мне такое по отношению к людям вообще-то не слишком свойственно, как и всем нам, любящим животных, что уж точно всех на свете человеков.

С минуту он лежал неподвижно, затем бледные губы слегка шевельнулись.

– В самом деле утихает...

– Полежите спокойно, – сказал я. – Сердце у вас, вижу, как у быка. Сейчас боль отойдет, ваше величество. Это не лечение, просто обезболивающее. Зато голова прояснится, ничто не будет отвлекать от поистине королевских мыслей, недоступных простому глерду. Непростому тоже.

– Говорите, – прошептал он, – с чем прибыли.

– К сожалению, ваше величество, – сказал я, – с дурными вестями. Но если вовремя все сделать правильно, то велика вероятность, что не только победим, но и останемся в выигрыше.

– Слушаю, – шепнул он.

– Король Антриас, – сказал я. – Да, проблема в нем. Нет-нет, ваше величество, все гораздо хуже, чем вы подумали, вижу по глазам, по ним пока еще можно видеть ваши мысли, а это не есть хорошо для короля, который по занимаемому трону должен быть хитрым, коварным и абсолютно харизматичным. Король Антриас планирует напасть не на Нижние Долины, а на вас!.. Да-да, его цель – выйти к теплomu морю.

Он проговорил тихо, страшась разбудить боль:

– Это да, в дальних планах... это все знали... Или догадывались...

– Пришло время, – сказал я и уточнил: – Как он полагает. Он шепнул:

– Но сперва должен завоевать Нижние Долины?

– Он предложит союз, – сказал я не моргнув глазом, – а когда ее величество королева от союза откажется, попросит беспрепятственного прохода его армии через земли королевства Нижние Долины.

Он шепнул:

– Какая настойчивая сволочь...

– Такие обычно своего добиваются, – согласился я. – А потом переписывают историю, где изображают себя овечками.

Он молчал долго, за это время, как полагаю, мощное обезболивающее полностью притупило боль, но лицо короля оставалось мрачным, а в глазах, как мне почудилось, проступил нешуточный страх. Король он все-таки потому, что наследовал своему отцу, а тот деду, а это не совсем

то, что по способностям. И понимаю, ему сейчас хочется, как обычно мне, лежать и намечтывать себе горы золота, счастья и всего-всего, в том числе и непристойного, что можно именно только намечтать, но не получить в реальности.

– Насколько, – проговорил он осевшим голосом, – это соответствует...

Я ответил с сочувствием:

– Ваше величество, я хотел бы принести вам хорошие новости, вы же хороший человек, это видно. В дикие времена посланцев с плохими вестями казнили, я понимаю такое естественное желание, честно.

Он вскинул голову.

– Что?.. Странные речи, глерд. Вы не из Нижних Долин, верно?

– Совершенно точно, ваше величество, – сказал я почти-тельно. – Вы очень проницательный человек. Даже болезнь не мешает вам быть королем, что видит всех насквозь, я слышал о таком великом государе.

Он слабо шевельнул головой, прислушался со страхом, но явно больше не стегнуло по всем нервам, с облегчением осмелился улыбнуться.

– Никакой проницательности, юный друг. Купцы из Нижних Долин часто провозят товары, ваши ремесленники от-делывали мне загородный дворец, так что нижнедоличан знаю...

– Я издалека, – подтвердил я. – Странствую в ненасытной

жажде знаний и впечатлений. И забрался так далеко от родных мест, что даже и не знаю...

– И начали служить моей кузине Орландии?

– Не совсем так, – признался я. – Я совершенно случайно оказал ей пустяковую услугу, а ее величество решили щедро вознаградить меня, пожаловав званием или титулом глерда, еще даже не понял, и большим участком земли вместе с замком близ границы с Уламрией. Я принял с благодарностью, хотя, скажу честно, это нарушило мои планы двигаться дальше по странам, чтобы познать мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.